

Современные притчи

Моррис
Венден

Современные притчи

Моррис Венден

Издательство «Источник жизни»

2003

УДК 283/289
ББК 86.376
В29

Венден М.

В29 Современные притчи: Пер. с англ. — Заокский:
«Источник жизни», 2003. — 192 с.

ISBN 5-86847-409-0

Если вы хотите вместе с Христом совершить воображаемое путешествие по современному миру, если хотите оказаться в самых невероятных, любопытных, непредсказуемых ситуациях и послушать, что сказал бы Иисус, окажись Он в наше время на нашей земле, обязательно прочитайте книгу М. Вендена «Современные притчи». В ней собрана обширная коллекция историй, созвучных Евангелию и имеющих к нам самое прямое отношение.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

Моррис Венден
Современные притчи

Перевод **О. Н. Крутилиной**
Ответственный редактор **А. В. Лысаков**
Редактор **Г. М. Чуднов**
Технический редактор **А. И. Сущенко**
Дизайнер обложки **А. Г. Воротилов**
Корректор **Н. М. Лукьянова**

Подписано в печать 18.02.2003

Формат 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 10 000. Изд № К-141. Заказ № 2384.

Издательство «Источник жизни»
301000, Тульская обл., п. Заокский, ул. Восточная, 9
Тел. (08734) 2-21-30, 2-29-70
Факс. (08734) 2-18-70
E-mail: solph@life.tula.net

Типография издательства «Источник жизни»

УДК 283/289
ББК 86.376

ISBN 5-86847-409-0

© Review and Herald Publishing Association, 1998.
© Перевод на русский язык и оформление.
Издательство «Источник жизни», 2003.

Предисловие

Если бы Иисус появился где-нибудь в современном городе, Он, наверное, принялся бы рассказывать истории, в которых фигурировали бы автострады и самолеты, супермаркеты, и, пожалуй, даже телевидение. И, может быть, тогда мы лучше запоминали бы Его рассказы, и глубина их значения всякий раз открывалась бы нам при виде этих заветных мест или предметов.

Все любят слушать истории. Может быть, именно поэтому дети любили собираться вокруг Иисуса. И сегодня вокруг Него собралось огромное количество «детей», многим из которых уже под девяносто!

В этой книге собрана коллекция моих любимых современных притч. Некоторые из них придумал я сам. Авторы других притч были мной указаны. Третьи мне рассказали люди, которые предпочли, чтобы их имена остались неизвестными. За долгие годы все притчи были многократно переписаны и доработаны. Но когда бы я ни вспоминал их для того, чтобы прояснить истину, люди всегда просили рассказывать их продолжение. Возможно, они увлекли и вас.

Желаю вам приятного чтения!

ЯСНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Богач и миллион долларов Иисус, ваш лучший Друг

Богач и миллион долларов

*«Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»
(Мк. 8:36).*

Это случилось в Эмпайр Стейт Билдинг. Я поднимался на лифте на самый верх, чтобы полюбоваться морем сияющих огней — великим городом Нью-Йорком. На шестьдесят шестом этаже дверь лифта открылась и вошел всем известный миллиардер. Его появление озадачило меня — я полагал, что уж он-то наверняка находится где-нибудь за границей. Я узнал его, но виду не подал, потому что это могло ему не понравиться. Я боялся, что в этом случае он просто-напросто скроется из виду. Мы ехали в лифте вдвоем, и я по большей части глазел на стены, лишь краем глаза наблюдая за попугайчиком. Знаменитость, очевидно, заметила, что я посматриваю на нее, поскольку неожиданно миллиардер первым прервал молчание:

— Вы знаете, кто я?

— Не вполне уверен, но в любом случае вы — симпатичный человек. (Мне хотелось быть с ним любезным!)

Мы добрались до вершины небоскреба, и когда двери лифта отворились, я постарался пропустить попугайчика к выходу первым. Вместе мы вышли на крышу и стали любоваться панорамой городских улиц, раскинувшейся прямо под нашими ногами. Судя по всему, мое поведение произвело на мужчину благоприятное впечатление, поскольку он повернулся ко мне с неожиданными словами:

— У меня к вам есть предложение.

— В самом деле? — отозвался я. Я надеялся, что это предложение касается в том числе и денег.

— Ну да, — подтвердил он. — Я хочу дать вам миллион долларов.

— Вы хотите *дать* мне миллион долларов? — Хотя мне и было любопытно, не подвох ли все это, я боялся оскорбить его подобным вопросом. Кроме того, я мечтал найти деньги, чтобы купить новый «Ягуар», а тут он сам предложил гораздо большую сумму. Я был в восторге.

Но это было еще не все.

— Я дам вам деньги, если вы выполните два условия. Первое — вы обещаете потратить эту сумму в течение одного года.

Ну, я, конечно, предпочел бы растянуть удовольствие, но тут же рассудил, что уж лучше получить миллион долларов, чтобы потратить его за год, нежели не получить его вообще. Потому я согласился.

— Хорошо, — отозвался он. — А вот и второе условие. В конце года, где бы вы ни находились — на Дальнем Востоке или в южных морях, в Акапулько или на Карибских островах, вы должны пообещать, что явитесь на встречу со мной сюда, на крышу Эмпайр Стейт Билдинг.

— И это все? — спросил я. — И что случится потом?

— Вы явитесь на встречу со мной, а потом спрыгнете с этой крыши и при падении разобьетесь.

— Простите? — воскликнул я.

Он повторил свои условия.

— Если вы не прыгнете — а вам от этого все равно не отвертеться — тогда я столкну вас с того самого места, где вы сейчас стоите. Так что по истечении этого года вы непременно умрете.

Мне не потребовалось много времени на размышление, чтобы повернуться к своему потенциальному благодетелю с ответом:

— Знаете что? Вы — отвратительны!

Я повернулся и пошел обратно к лифту.

По дороге вниз я все думал о его чудовищном предложении и гадал, может ли кто-либо в здравом уме согласиться на подобную сделку. На семьдесят седьмом этаже ко мне присоединился человек, одетый в белое. Мне показалось, что я где-то видел его раньше — возможно, на картинках. Он улыбнулся и поприветствовал меня, но я отвечал неохотно, поскольку теперь уже не слишком доверял людям, которых встречал в лифтах.

Но он, однако же, не придавал значения моим явным опасениям.

— Я вижу, вы любовались огнями Нью-Йорка, — заметил он.

— Да, — осторожно отвечал я. — Они действительно прекрасны.

Затем он принялся рассказывать мне о каком-то фантастическом городе, который был даже еще лучше Нью-Йорка. В это трудно было поверить. Тот город был в пять раз больше штата Орегон, и через него протекала самая удивительная река в мире. Когда мой попутчик описывал фруктовые деревья, я даже ощутил аромат плодов. Казалось, я мог воочию представить всю красоту этого места.

— Как я могу туда попасть? — спросил я наконец.

— Только я могу указать вам дорогу, — отвечал мой спутник. — И я буду рад привести вас туда.

— Но как далеко находится это место?

— До него тысяча и пять триллионов миль.

Одна тысяча и пять триллионов миль! Да мне за всю свою жизнь не добраться туда!

И тут на шестьдесят шестом этаже лифт остановился, и к нам присоединился еще один попутчик. Внешностью он походил на чародея — мрачное черное одеяние, усы и борода, черные как смоль, и высокая шляпа, создававшая впечатление, будто он пытается скрыть свое лицо под ее полями. И в то время, как мой друг с семьдесят седьмого этажа продолжал описывать свой город, новый попутчик сверлил меня пронизывающим взглядом. Наконец, он весьма бесцеремонно вмешался в разговор. Мой друг в белом вежливо уступил ему инициативу.

— Я тоже знаю один легендарный город, — начал незнакомец в черном. — И вы должны увидеть его огни. По ночам это место настолько прекрасно, что вы с трудом можете поверить своим глазам. Когда бы вы ни прибыли туда, веселье охватит вас с первой же минуты, ждать не придется.

— Но, — спросил я, — как мне попасть туда?

— Я покажу вам дорогу.

— А далеко ли это?

— Вы можете оказаться там через четыре часа.

— *Через четыре часа?*

— Да.

— Ну тогда чего же мы ждем? Отправимся прямо сейчас! — вскричал я.

Мы доехали до первого этажа. Человек в белом исчез, как только мы вышли на улицу, а незнакомец в черном довез меня до аэропорта, где мы сели в самолет, улетающий в Лас-Вегас*, что в штате Невада.

Мы добрались туда за полночь, но городские огни сияли, словно солнце, и я получил все удовольствия, какие только мог себе представить. На следующий

* Центр отдыха и развлечений.

день я проспал до полудня. Когда я наконец проснулся и более-менее пришел в себя, то отправился бесцельно слоняться по улицам. К своему удивлению, я обнаружил агентство фирмы «Ягуар», в котором мне предложили на прокат новый автомобиль всего за доллар в неделю. Вступительный взнос тоже был один доллар. Я едва мог поверить таким ценам.

Целый месяц я носился по Лас-Вегасу и великолепно проводил время. Но — странное дело — когда время удовольствий подошло к концу, у меня ничего не осталось. И, к своему изумлению, я обнаружил, что все те удовольствия, которым я предавался, приносили радость лишь до тех пор, пока длились, но они не могли продолжаться вечно. Я хотел счастья — чего-то более глубокого и прочного, нежели удовольствия. В глубоком разочаровании я покинул город и пустился на поиски.

(Эту притчу продолжает рассказ «Грузовик» на с. 68).

Иисус, ваш лучший Друг

Ли Венден

«Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53:3—5).

Знаете ли вы, каково быть одиноким? Таким одиноким, чтобы не иметь иного спутника, кроме ваших собственных мыслей? Знаете ли вы, что это такое — чувствовать себя ребенком, который хочет поиграть с другими детьми, а встречает одни насмешки? Знаете ли вы, каково это: искать убежища и покоя в своем

собственном доме, но обнаружить там одни только издевки и сарказм? Знаете ли вы, как больно, когда не с кем поговорить, не с кем поделиться, когда некому просто выслушать вас? Испытывали ли вы когда-либо боль от того, что вас отвергли, или горькое разочарование от того, что ваше доверие было разрушено?

Приглашал ли вас кто-нибудь на свидание, чтобы самому явиться, когда стемнеет, с тем чтобы никто не видел вас вместе? Встречались ли вам люди, которые неотступно следовали за вами, чтобы извращать ваши слова и заставляя вас оправдываться до полусмерти? Возвращались ли вы когда-либо в родной город в надежде возобновить старую дружбу, а собирали лишь камни, брошенные в вас?

Отдавались ли вы чему-нибудь так истово, что вам уже больше нечего было отдать? Бросались ли в битву со всеми силами зла — и боролись ли до тех пор, пока не покрывались кровавым потом? А может быть, вас когда-нибудь грубо оттолкнули бессердечные люди, а любовь удержала вас от возмездия?

Испытывали ли вы когда-либо острую боль от шипов, глубоко врезающихся в ваши виски и затылок? Может быть, кто-нибудь плюнул в ваше израненное, истекающее кровью лицо? Знаете ли вы, как чувствует себя человек, изнемогающий от потери крови, когда ему приходится нести тяжелый крест? Как вы думаете, смогли бы вы устоять, добровольно умирая за тех, кто ненавидит, презирает и отвергает вас?

Испытывали ли вы когда-нибудь, как ваши руки и ноги пронзают гвозди, раздирая вашу плоть и причиняя муки? Чувствовали ли вы когда-нибудь каждым нервом своего многострадального тела, как ходуном ходит под вами уродливый крест, который опускают в подготовленную для него яму? А, может быть, вы были подвешены на кресте, и ваши раны становились

все больше и больше, а толпа насмехалась над вами и бросала камни в ваше истерзанное тело?

Знаете ли вы, что такое боль? Страдали ли вы когда-либо? Может быть, вы когда-либо умирали в одиночестве — за тех, кто отказался признать вас другом? Это сделал Иисус в Своей земной жизни. И все это время Он медлит в ожидании кого-то, кто станет Его спутником и разделит Его участь.

Он все еще ждет. Не хочешь ли ты стать Его другом?

ЗНАНИЕ ПРАВДЫ

**Эти Иерихонские стены
Как перестать тревожиться
Булочник и хлеб**

Эти Иерихонские стены

«Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины» (2 Тим. 2:15)

Воскресным утром пастор посетил класс мальчиков, чтобы узнать, что они изучили за время библейских уроков.

— Кто разрушил стены Иерихона? — спросил он.

— Это не мы, сэр! — отвечали мальчишки.

— Они всегда так отвечают? — спросил пастор учителя.

— Это честные ребята, и я им доверяю, — отвечал учитель. — Я не думаю, что они на такое способны.

Опечаленный и обескураженный, пастор рассказал о своем посещении класса директору воскресной школы. Он пересказал ответ учеников и реакцию учителя.

— Пастор, я знаю этого учителя и этих ребят уже долгое время, — заметил директор. — Если они говорят, что не делали этого, то мне этого достаточно.

Тогда священник вывесил сообщение об этом случае на доску объявлений, висевшую в церкви. Собрание обсуждало чрезвычайное происшествие два часа, а затем доложило:

— Пастор, мы не видим нужды расстраиваться по такому незначительному поводу. Давайте просто оплатим ремонт и спишем расходы на общую реконструкцию церкви.

Как перестать тревожиться

«Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34).

Возможно, вы слышали историю о человеке, который постоянно тревожился. Наконец, его друзья стали беспокоиться по этому поводу — они боялись, что тревога раньше времени сведет его в могилу. Они стали волноваться о его тревоге!

Но вот в один прекрасный день кто-то из друзей повстречал нашего героя на улице и заметил, что выражение его лица изменилось. Страдалец был, без сомнения, спокоен и умиротворен. И тогда друг спросил:

— Что случилось? Ты как-то изменился!

— Я, наконец, избавился от всех своих тревог разом, — сообщил тот.

— Замечательно! И как же ты этого добился?

— Я нанял человека, который теперь тревожится за меня, — ответил наш герой.

— Никогда о таком не слышал, — признался друг. — И сколько ты ему платишь?

— Тысячу долларов в месяц.

— Тысячу долларов в месяц! — воскликнул друг. — Но это невозможно! Разве ты в состоянии столько заплатить?

— Не знаю, — отвечал счастливец. — Это первое, о чем он теперь тревожится.

Конечно, наивно предполагать, что вы можете нанять человека, который будет тревожиться за вас. Это так же наивно, как предположить, что вы можете нанять человека, который будет за вас есть. И тем не менее в сфере духовной жизни люди порой считают вполне приемлемым, если они зависят от кого-то, кто читает за них Библию, молится за них и вместо них ищет Бога.

Булочник и хлеб

«Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете» (Ин. 6:35,36).

Жил на свете человек, который хотел стать булочником. Он любил свежее испеченный хлеб и полагал, что ему понравится изготавливать булочки для других людей.

И тогда он принялся осматривать город в поисках наилучшего местечка для своего нового дела. Он присмотрел участок на углу улицы, подписал контракт со строительной фирмой, и вскоре булочная была готова к открытию. В ней были блестящие стальные мойки, пекарное оборудование и сияющие стеклянные витрины, на которых можно было разложить товар.

И все же дела у булочника пошли не очень хорошо. Он работал с утра до вечера. Он пробовал разные способы, какие только приходили в голову. Он делал все возможное, чтобы бизнес процветал. И тем не менее, похоже, ему не удавалось испечь такой же хлеб, какой он пробовал раньше. Когда покупатели приходили посмотреть новую булочную, они не покупали ничего из его товара. И никогда больше не возвращались.

Наконец после долгих лет безуспешной борьбы он вынужден был признать, что проиграл. Ему приходилось подрабатывать по ночам в разных местах, чтобы у

него самого был хлеб на столе. Все его помощники отравились подыскивать себе другую работу. Хозяин был на грани банкротства. Он перепробовал все известные ему способы, чтобы сделать свою булочную процветающей, но ничего не помогало.

И когда он уже был готов сдаться на милость судьбы, какой-то человек, проходивший мимо, спросил его:

— А вы когда-нибудь слышали о муке?

— Прошу меня извинить, — сказал булочник, — может быть, я что-то упустил из виду?

— Да! Разумеется! — закричали все.

Раньше он никогда не пробовал печь хлеб из муки, но эта мысль ему понравилась. И как только он начал использовать муку, все сразу пошло по-другому.

Неважно, каким делом вы занимаетесь, но если вы рассчитываете преуспеть, следует усвоить несколько основных правил. Вы не можете стать владельцем банка, если у вас нет денег. Вы не можете успешно управлять железной дорогой, если по ней не ходят поезда. Вы не можете содержать автомобильное агентство, если у вас нет машин.

Не могу передать, как часто в жизни мне встречались люди, которые годами боролись за то, чтобы стать христианами, и неизменно терпели неудачу. А потом являлся некто, проходивший мимо, и говорил им: «А вы никогда не пробовали принять праведность Христа вместо своей собственной?»

И они говорили:

— Простите? Может быть, мы что-то упустили из виду?

— Да! Разумеется!

Хотите ли вы жить жизнью христианина? Как много людей годами упускают из виду самое главное! Мы ищем праведность, но не знаем, как ее обрести... Но ничего, кроме огорчения, не принесут попытки стать христианами без истинного понимания того, как этого добиться.

ПОСТИГАЯ ЕВАНГЕЛИЕ

Смерть Вениамина Попытки
Скорпион и лягушка
Путешествие в Шалом
Проблемы с милостью

Смерть Вениамина Попытки

Билл Грейвсток

«Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3:5–7).

Эта история началась и окончилась в благотворительной больнице — прямо в реанимации. Имя пациента было Вениамин Попытка. Он *пытался* быть христианином. Он *пытался* быть хорошим. Он *пытался* верить, иметь веру, прорваться к ней. Но все казалось бесполезным, и у него не осталось надежды. Он лежал, распластавшись на спине, и жить ему оставалось всего несколько кратких часов. И потому для него каждое мгновение было бесценным. Пациент понимал, что это время дано ему взаймы. Рядом с ним не было никого, кто

помог бы ему подготовиться к вечности, кроме трех весьма религиозных сестер Вениамина. Все они были истинными христианками. Каждая явилась, чтобы успокоить и утешить своего дорогого брата в этот трагический момент, исполненный опасности и печали. Возможно, они сумеют помочь ему вырваться из оков неверия — до того, как станет уже слишком поздно. Сейчас все три женишны сидели в приемной и ждали, когда им позволено будет увидеться с умирающим братом.

Сиделка шепотом вызвала одну из сестер, Туманность. Сестра тихонько последовала за безмолвной фигурой в белом халате, выслушав предупреждение о том, что у нее в распоряжении не более трех минут. Сидя рядом со своим дорогим, но отчаявшимся братом и глядя в его глаза, она понимала, что тот оставил и Бога, и надежду. Он схватил ее за руку и застонал: «Пожалуйста, сестричка, помоги мне сбросить оковы греха... у меня... не так много времени... Помоги мне поверить... пожалуйста, помоги мне!»

Чем она могла ему помочь? Что сказать? Она глубоко вздохнула и начала говорить:

— Веня! Послушай меня, Веня! Ты должен как можно быстрее отдать свое сердце Иисусу.

Брат непонимающим взглядом смотрел на нее. Он с трудом приложил руку к сердцу и выглядел смущенным.

— Ты должен протянуть руку и пожать руку Христа, а затем пригласить Его в свое сердце. Ты должен принять Агнца и подчинить Ему свою волю.

Вениамин выглядел озадаченным, и сестра продолжала:

— Ты должен смириться, раскаяться в своих грехах, а затем добровольно принять Его одежду праведности. Это — твое покрывало, твои брачные одежды. Они твои, Веня, если ты раскаешься и уверуешь.

Капельки пота катились по усталому, измученному лицу умирающего. Он откинулся на подушки и безна-

дежным взглядом уставился в потолок. Скорбный вздох сорвался с его губ, и он задрожал всем телом от отчаяния. Вошла сиделка и прошептала:

— Сестра Туманность, ваше время истекло.

Вторая сестра, Конкретность прошествовала в комнату брата и присела у кровати. Не дожидаясь, пока она что-нибудь скажет, Вениамин устремил на нее отчаянный взор и с огромным усилием выдавил из себя:

— О, сестричка, пожалуйста, помоги мне... Помоги мне поверить... Я пытался... сбросить оковы... но я не могу... не могу...

Она осмотрелась и взглянула ему в лицо. На нем отражались боль и сердечные муки. Сестра взяла дрожащую руку умирающего в свои ладони:

— Венья, я могу рассказать тебе лишь то, что Библия говорит о людях, которые попадут на небеса. Их поведение, безусловно, противоположно тому, какое мы встречаем повсюду в мире. Если ты хочешь попасть на небеса... что же, все зависит от тебя. Но, желая обрести надежду и стать христианином, ты должен в первую очередь раскаяться в своих грехах и отречься от старой жизни — жизни, полной безнравственности и эгоизма. Твои привычки, твое поведение и слова должны полностью измениться. А ты пытаешься уклониться. Это большое зло. Это плохо. Я должна сказать тебе правду: ты должен отказаться от азартных игр, бросить курить и пить, перестать ходить в эти ужасные бары и ночные клубы. Изменить свои привычки. Не иметь дел со старыми друзьями. Завести хороших друзей. Сбросить лишний вес. Отказаться от обильной пищи. Превратить свое тело в достойный сосуд для Господа. Допускать в свою душу только хорошие, возвышающие и облагораживающие тебя мысли, которые должны заполнить твой разум. Прекратить читать эти отвратительные журналы и пустые книги, а вместо этого читать Библию. Заполнить свой разум тем, что чисто и красиво. Обитать среди небесных высот. Лю-

бить Господа и возненавидеть грех насколько это возможно и... и... Веня!.. Веня!.. Ты слушаешь меня?.. Веня?.. С тобой все в порядке? Сестра! Сестра!

Вениамин задыхался. Он кашлял и захлебывался слюной. Сиделка быстро проверила его пульс.

— Он умирает. Будьте добры, не могли бы вы подождать за дверью?

Минутой позже сиделка подошла к последней из женщин.

— Вы еще одна сестра Вениамина? — спросила она.

— Да, это так.

— У вас мало времени, — сиделка запнулась, а потом добавила, — И у него тоже.

— Я поняла, сестра. Благодарю вас от всей души.

Сидя рядом с дорогим братом, сестра Вера во Христе взяла его руку в свои ладони и тихонько помолилась о том, чтобы ее слова стали спасительными в жизни бедняги Вениамина, ее потерянного, заблудившегося младшего братишки. Она с надеждой и мужеством взглянула ему в глаза и сказала:

— Веня, ты готов умереть?

— Нет... Я не готов к этому... Сестричка... но я пытался подготовиться... Я... пытался сбросить оковы... Я пытался поверить, сестричка... — его лицо исказилось и он зарыдал, всхлипывая и качая головой. — Но все без толку... Я просто не могу обрести веру... Я не могу сбросить оковы. Я старался так сильно, как мог, но толку нет... толку нет...

Он лежал неподвижно, а Вера наклонилась к нему и зашептала на ухо:

— Мой дорогой брат Веня, я понимаю твое отчаяние. Не можешь ли ты успокоиться на несколько минут? Просто тихонько лежи и слушай. Только слушай — и это все, о чем я тебя прошу.

Как только Вениамин затих, Вера заговорила. Она не требовала от него, чтобы он еще больше старался

обрести веру; напротив, она уверила его в том, как сильно Бог Отец возлюбил его в Иисусе Христе. Она открывала ему благую и радостную весть.

— Веня, — сказала она, — когда ты еще был Его врагом, Отец любил тебя и избрал тебя, чтобы ты был с Ним на небе. Он не пожалел для тебя не только жизни Своего единственного Сына. Все небо было опустошено и принесено в жертву ради тебя. В дар Иисуса, Сына Своего, Он отдал всю собранную и накопленную за долгие годы любовь и благополучие вечности. И ты был искуплен, прощен и принят во Христе.

Две тысячи лет назад, когда исполнилась полнота времени, Бог Сын, твой Спаситель Иисус, покинул небо, потому что вся его слава и величие были немылы ему, пока ты был потерян. Он — Тот, кому служили и поклонялись ангелы, оставил свое положение и небесный престол, чтобы прийти на эту темную планету под названием Земля. И в назначенный на небесах час Он родился в пещере — ради тебя, Веня. Он вырос и жил в страданиях; Он испытал стыд и унижение, когда был отвержен всеми, ради того, чтобы ты мог быть принят Господом. Ради твоего спасения он стал бедным — так, чтобы через Его нищету ты обогатился. Он прошел тот путь, которого заслуживаешь ты, — ради того, чтобы ты мог пройти путем, которого заслуживает Он. Он принял терновый венец, чтобы ты мог принять венец жизни. Он умер за тебя, и теперь Он предлагает тебе взять на Себя твои грехи и принять Его как твоего Спасителя; и, какой бы грешной ни была твоя жизнь, ради Него ты будешь принят в число праведников. Твой характер уступит место характеру Христа, и ты предстанешь пред Богом, словно и не грешил. Более того, Христос изменит твое сердце и наполнит его верой.

Вениамин выслушал евангельскую весть, и вера заглася в его сердце. Святой Дух осветил его разум, и он увидел, что принят, потому что он был принят

Иисусом. Умиравший увидел, что Бог благосклонен к нему, потому что Он был благосклонен к Иисусу. — «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3:17). Вениамин понял простую истину, заключающуюся в том, что Иисус — его личный представитель на небе, оправдывающий его пред Отцом. Он осознал теперь, что не нужно спрашивать: «Примет ли меня Бог?», но в свете Благой вести нужно обратиться к самому себе: *«Принимаю ли я тот факт, что я принят и прощен?»* Он сделал поразительное открытие: сам факт того, что он является грешником, дает ему право прийти к Иисусу. Теперь больше не было вопросов, не существовало никаких сомнений. Дух Святой просветил его разум, и шаг за шагом разрозненные звенья в цепи очевидных истин соединились в одно целое. В Иисусе, израненном, осмеянном и пригвожденном ко кресту, он увидел Агнца Божьего, Который взял на Себя грех мира. Надежда наполнила душу несчастного. Чувство благодарности к Иисусу согрело его сердце, слезы потекли по его щекам. Он смягчился и покорился Богу. Внезапно улыбка преобразила его лицо, и Вениамин Попытка прошептал:

— Я понимаю... Я понял, что это... было... ради меня. Я принимаю это. Я верю в это.

Это были последние слова помилованного в милосердии Божьем. Но их было достаточно. Вера в Христа и Благая весть принесли ему мир и надежду.

Скорпион и лягушка

«Мы... были по природе чадами гнева» (Еф. 2:3).

Скорпион хотел переправиться на другой берег реки, однако он не умел плавать, поэтому попросил лягушку перевезти его.

Лягушка отказалась.

— Я знаю, что ты сделаешь, — сказал она. — Ты ужалишь меня, и я погибну.

— Я не стану делать этого, — настаивал скорпион. — Если я ужалю тебя, то утону вместе с тобой.

Лягушке это показалось убедительным, и они отправились в путь. Однако где-то на середине реки скорпион все же ужал лягушку. Умирая, лягушка успела спросить с печалью:

— Зачем ты это сделал? Теперь мы оба погибнем.

И скорпион ответил:

— Сожалею, но я ничего не мог с собой поделать. Такова моя природа.

Путешествие в Шалом

«Все сии... говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле... что они ищут отечества... Но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город» (Евр. 11:13—16).

«Не хотите ли отправиться в путешествие?» — спрашивала надпись на плакате, составленная сплошь из ярко-красных заглавных букв.

Мистер Симонс задержался перед доской объявлений. Пока он читал дополнительный текст, набранный мелким шрифтом внизу плаката, перед его глазами закружилось целое облако воспоминаний.

Да, в его жизни было время, когда путешествия казались ему самым важным делом на свете. Еще до того, как он научился читать, он проводил долгие часы в мечтах над тяжеленным атласом в кабинете отца. Мальчик планировал путешествие за путешествием, тщательно прокладывая маршрут на самых под-

робных картах, порой избирая один путь, порой другой, но конечная цель всегда была одна: Шалом, город мира.

Мальчишкой он перепробовал множество способов приумножения своего капитала. Если бы только он смог набрать достаточно денег, чтобы купить билет! И тогда синее небо, величественные пальмы, тихие воды прекрасного Шалом стали бы реальностью.

— На это нужны деньги, много денег, сынок, — объяснял ему отец.

— Но у тебя их достаточно? — спрашивал он.

— Боюсь, что нет. Может, когда-нибудь...

И мальчик пытался понять, как долго ему придется работать и копить деньги, поскольку за всю свою жизнь он набрал всего лишь семьдесят восемь центов, если даже целое состояние из десяти- и двадцатидолларовых купюр в бумажнике отца не могло считаться достаточным...

Мистер Симонс попытался отогнать воспоминания и снова принялся читать текст объявления.

«Каждый из вас может отправиться в путешествие. Приходите в наш офис на Седьмой улице. Мы специализируемся на поездках в Святую Землю. Вы увидите прекрасный Шалом...»

Поскольку здесь упоминался город мира, рекламное объявление подействовало на него с необычайной силой. Мистер Симонс почти ощутимо почувствовал тепло его вечного солнца и услышал пение птиц и тихий плеск воды у берегов. Он повернулся и направился на Седьмую улицу — в бюро путешествий.

Бюро путешествий было переполнено. Мистер Симонс выстоял двадцать минут в очереди к столу, который показался ему главным, только для того, чтобы узнать, что здесь оформляют авиабилеты в Париж. Он уже решил отойти, однако спросил:

— А где оформляют поездки в Шалом?

Клерк презрительно улыбнулся и указал на маленький столик в дальнем углу комнаты. Там не было никакой очереди. Мистер Симонс повернулся было, чтобы уйти, но снова замешкался. Может быть, здесь ему хоть что-нибудь посоветуют?

— А... сколько стоит поездка в Париж? — спросил он.

— У нас есть первоклассные туры, включающие питание и размещение, всего за две тысячи долларов.

У мистера Симонса опустились руки. Он с трудом смог бы наскрести едва ли одну четвертую этой суммы. Однако, быстро оправившись от потрясения, он бодро спросил:

— А сколько стоит билет в один конец?

— Это и есть цена билета в один конец, — ответил клерк. — Мы не продаем билеты туда и обратно.

Мистер Симонс отошел в сторону. Он уже собирался покинуть здание, даже не задерживаясь у стола, на который указал ему клерк. Но неожиданно для себя решил, что за спрос денег не берут, и раз уж он пришел сюда, то может выяснить все, что его интересует.

Он направился к угловому столику, удивляясь про себя ответам клерка. Почему он сказал, что они не продают обратных билетов? Что он имел в виду? Может быть то, что в этом агентстве не брали денег за обратный билет? Это показалось мистеру Симонсу очень странным.

Впрочем, он уже был у цели. Девушка, сидевшая за столиком, тепло улыбнулась ему.

— Могу ли я вам помочь?

Неожиданно, безо всякой на то причины, он почувствовал прилив надежды — может быть, она действительно *сможет* помочь ему.

— Я хотел бы поехать в Шалом, город мира. Но у меня нет... — он запнулся.

Но девушка уже вынимала папку.

— Что это? — озадаченно спросил он.

— Ваш билет, сэр.

— Но я только хотел сказать, что сейчас у меня нет с собой денег, однако я кое-что скопил, у меня есть часть нужной суммы, и я хотел бы узнать, сколько мне еще нужно собрать, прежде чем... — его голос опять пресекся.

Девушка все еще протягивала ему билет. Она улыбалась.

— Билет бесплатный, сэр, — вежливо сказала она. — Все, что вам нужно сделать, — это взять его.

— Что?!

— Билет бесплатный — правильной было бы сказать, что он уже оплачен.

— Я никогда о таком не слыхал! — воскликнул мистер Симонс. — Вы почему-то даете *мне* бесплатный билет?

— Любой человек может получить такой же, сэр. Как я уже сказала, билеты оплачены.

— Но кто заплатил за них? — спросил он.

— Князь, что правит городом мира. Он оплатил их все, — ответила девушка.

— Это что-то вроде сделки на особых условиях? И много ли билетов вы раздали? — похоже, у мистера Симонса все это не укладывалось в голове.

— Их хватило бы всем людям на свете, пожелай они только воспользоваться ими, — сказала девушка.

— Но почему же тогда люди не расхватили их, если только все это не шутка?

Девушка печально оглядела переполненное помещение.

— О, некоторые люди в это не верят. А многие даже и не подозревают об этом. — Она замолчала. — Мистер Симонс, вы *хотите* получить свой билет?

Мистер Симонс уже протянул было руку, но потом заколебался. Ему всегда и за все приходилось платить. У него были небольшие сбережения, но пользоваться

благотворительностью? Он отдернул руку. А потом снова припомнил все, что читал когда-то о Шаломе, и ему показалось, что Князь Шалома протягивает ему Свою дружескую руку. Он слышал об этом Князе. Он мечтал о том, что в один прекрасный день и в самом деле встретится с Ним. Может ли он отвергнуть приглашение, когда Сам Князь предлагает ему билет — и даже заплатил за него положенную *цену*?

Нет, он не мог этого сделать. Мистер Симонс схватил билет и вышел из здания. Радость переполняла его. Но прежде, чем добраться до двери, он остановился, чтобы сказать кому-то из встречающих:

— Видите тот угловой столик? Подойдите туда: вы не поверите, какие путешествия они предлагают.

И он выбежал на улицы Великого Города, чтобы рассказать бедным, и больным, и одиноким, и отчаявшимся об этом удивительном путешествии.

По большей части люди, которых он останавливал, отворачивались и уходили. И тем не менее время от времени кто-нибудь из них заходил в агентство, и, к собственному удивлению, некоторые из зашедших принимали билеты из рук улыбающейся девушки, сидящей за угловым столиком.

* * *

— Если вы готовы отправиться, сэр, я возьму ваш билет.

Мистер Симонс протянул билет служащей, она проштамповала его и вернула владельцу. Затем он шагнул в открытую дверь позади столика, которая вела в наклонный коридор, тянувшийся прямо к самолету.

Неожиданно мистер Симонс понял: каким-то неведомым ему образом, несмотря на то, что он был еще в самом начале своего путешествия в Шалом, он прибыл к месту назначения.

Проблемы с милостью

Дебора Анфенсон-Вэнс

Благодать может являть собой проблему. В самом деле, Библия полна сбивающими нас с толку историями, которые ясно показывают, что благодать снова и снова выбивает у нас почву из-под ног.

Старший брат разгневался, когда Отец устроил пир для промотавшего свою долю наследства блудного сына, который, когда от него отвернулась удача, возвратился домой.

Работники, трудившиеся целый день, принялись ворчать, когда хозяин заплатил тем, кто пришел в самом конце, ровно столько же, сколько и им.

Девяносто девять овец были оставлены на произвол судьбы, пока пастух искал ту, единственную, которая заблудилась.

Я, конечно, могла бы найти все эти истории интересными и даже полезными, особенно если мне пришлось бы оказаться на месте блудного сына, работни-

ка, явившегося лишь к вечеру, или заблудшей овцы. Но многого достигшая, религиозно образованная, долго работающая в церкви христианка, к тому же верующая в четвертом поколении, вряд ли может отнести подобные определения на свой счет. Ведь в моих жилах течет кровь многих поколений совестливых, религиозных предков.

Итак, я ловлю себя на том, что в большей степени симпатизирую старшему брату, работнику, трудившемуся весь день, и девяноста девяти оставленным овечкам, даже несмотря на то, что я семьдесят семь раз слышала все эти истории и сюжеты эти знакомы мне так же хорошо, как голос моей матери... Похоже, на этот раз милость обернулась против меня, и меня это отнюдь не забавляет.

Люди, которые серьезно отнесутся к этим библейским сюжетам, могут заметить, что проблема с милостью частично затрагивает хороших людей, ибо она по-настоящему не принимает их в расчет. Во всяком случае, она относится к нам не так серьезно, как мы сами.

ПРОБЛЕМА ВЕЖЛИВОСТИ

Несколько лет подряд я весьма гордилась собой за то, что я — не фарисей, что бы это ни означало. Проблема с милостью состоит в том, что она не оставляет во мне места чванливой гордости насчет того, кем я являюсь или не являюсь, и в том, что она в достаточной мере слепа, чтобы не замечать тех титулов, которыми я себя награждаю. Все это наводит меня на другую мысль.

Милость проблематична не только для фарисеев или для людей религиозных. Милость может быть той «твердой пищей», которую не в силах переварить желудки самых обыкновенных людей. И если пойти еще дальше, я скажу вот что: в самой человеческой натуре есть нечто такое, что делает крайне трудным для любого из нас протянуть руку, чтобы принять что-то.

Ибо, если мы делаем это, рука наполняется милостью или, точнее, милостыней. А что может быть более болезненным, чем подобное зрелище?

Подарки становятся для нас проблемой. Мы воспитаны в том духе, что должны проложить «свой собственный путь в жизни» и в одиночку «нести груз своих проблем». Мы способны, уверены в себе и можем многого добиться. И все мы испытываем чувство вины. В глубине души мы убеждены, что не заслуживаем того, чего мы не заработали, выстрадали или оплатили, и с презрением смотрим на толпу, ожидающую бесплатного обеда. Когда мы говорим о том, чтобы давать другим, мы чаще всего смешиваем реальность с торговлей и обязательствами; нас смущает подарок, если мы не можем отплатить тем же.

Дорогие подарки равносильны благотворительности, а порядочные люди с детства знают, что давать — хорошо, а брать — плохо. Но если воспитанному человеку трудно принять милость в качестве дара, чем она и является, нам также трудно примириться с тем, что она нарушает заведенный порядок жизни. Мы верим в черное и белое, и нам не нравится, когда милость, похоже, относится к ним одинаково. Милость позволяет какой-то принцессе красоваться на закате в белой шляпке, тогда как мистер *Заслуживающий лучшего* возмущенно сопит при виде всемирной несправедливости. Есть что-то не поддающееся разумению в Боге, Который становится спонсором шоу с подобным концом. Совершенно очевидно, что мы до сих пор не сумели привить Ему наши цивилизованные представления о справедливости и приличиях.

ВЕТХИЕ МЕХИ

Я могла бы вспомнить еще больше проблем, которые порождает милость, но я намерена наконец остановиться и вместо этого привести другую историю,

которую рассказывал Иисус. Даже Он признавал, что милость может оказаться проблематичной...

«И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9:16, 17).

Итак, при встрече нового и старого мы должны понять, что проблема милости есть проблема нас самих. Мы — ветхая одежда для новой заплаты, ветхие мехи для нового вина... мы слишком горды, чтобы принять дар.

Но милость также распространяется и на «ветхое», а с нею и возможность выбора. Мы можем оставаться крепко привязанными к той жизни, какой по *нашему* мнению она должна быть, прилепиться к тому, что заставляет *нас* верить, будто мы хороши, и совершать то, что на *наш* взгляд имеет значение, — и так далее.

Или же мы можем следовать жестким и отчасти даже бесчувственным словам: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее» (Лк. 17:33) и откроем свои души милости, веруя, что она одарит нас большим, нежели просто изодранными лохмотьями и непрочными емкостями, чтобы мы оставили неясную идею о том, как все будет дальше.

Я же не могу сказать вам, как все будет дальше, поскольку неожиданность заложена в самой природе милости. И до конца наших дней, всякий раз, как мы помыслим о том, что мы сбросили последние покровы, прошли в последнюю дверь и готовы уже спросить Господа: «Что еще может случиться в нашей жизни?» — мы обнаруживаем нечто еще не открытое, лежащее прямо у наших ног, и нечто неизведанное и не понятное прямо перед своим носом.

Я могу сказать и еще вот что: мы, те, кто позволит себе утратить свою праведность и потерять свою

жизнь, обретем новый взгляд на эти из ряда вон выходящие истории. Мы увидим себя заблудшими в стаде из девяноста девяти овец, увидим себя расточителями в толпе своих старших братьев и людьми, которые хронически опаздывают к началу всеобщих дневных работ. И тогда мы сможем узнать нашего Пастыря, нашего Отца, нашего щедрого Хозяина. Мы сможем обрести жизнь, и неожиданности не будут нас огорчать.

Итак, можно быть уверенными: если мы знаем, что мы потеряны, мы будем найдены. Будем найдены милостью, задача которой состоит не в том, чтобы делать хороших людей еще лучше, но отыскивать заблудившихся и приводить их домой. Приводить их домой на праздник.

ПОЛНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Состязание Евангелия
Фундамент и стены
Притча о больном
Прощай, Равви!
Охотник и медведь
Лев и тигр

Состязание Евангелия

Кен Мак-Фарланд

«От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было как написано: „хвалящийся хвалится Господом“» (1 Кор. 1:30, 31)

Имеет ли спасение дело с прощением или с развитием характера? Кен Мак-Фарланд отвечает: «Да».

Ночной концерт всемирно известных звезд прервался на середине, мягкий голос солиста неожиданно смолк, уступив место рекламе, показывающей ребенка в то время, как он возится в грязной луже.

Развалившись на креслах и кушетках, которыми была обставлена гостиная, напротив телевизора расположились трое женщин.

— Мама этого мальчишки — просто бедняжка, вот что я вам скажу. У нее большие проблемы, — заклю-

чила Номер первый, когда ребенок на экране торжественно протопал по нескольким большим грязным лужам подряд. — Похоже, она специально нарядила его, чтобы идти в гости, а теперь — вы только посмотрите! — теперь он по уши в грязи.

— О, подожди, есть ведь и благая весть! — с энтузиазмом воскликнула Номер второй. — Только посмотрите, — добавила она, кивая на экран, — и вы увидите, что мать собирается удалить всю эту грязь с одежды, отстирать ее при помощи порошка «Долой грязь!» Это решение всех проблем!

— Если бы ты видела эту рекламу раньше, ты бы знала, что это не так, — возразила Номер первый. — Смотри дальше.

Они продолжили смотреть, и, конечно же, вскоре ребенок, облаченный в свежестыранную одежду, вновь атаковал ближайшую лужу. Когда он опять с головы до ног перепачкался в грязи, его мать покачала головой и глубоко вздохнула, видимо, с благодарностью вспоминая коробку порошка «Долой грязь!» (Оправдание.)

— Вот видите, — продолжала Номер первый. — какой ей смысл постоянно стирать вещи своего ребенка, если он возвращается на то же место и снова оказывается в грязи? Я сообщу вам по-настоящему дельное решение проблемы. Мать добьется хорошего результата, если не только будет стирать одежду ребенка, но также отобьет у него всякую охоту барахтаться в грязных лужах, а может быть, даже приучит его ненавидеть грязь. (Освящение.)

Номер третий до сих пор ничего не говорила, сосредоточенно размышляя, однако теперь была готова вступить в этот пустячный спор:

— Думаю, вы обе по-своему правы, — начала она, — но даже если мать сумеет вычистить одежду ребенка и, более того, воспитает в нем ненависть к грязи, мне ка-

жется, проблема будет окончательно решена только тогда, когда кто-нибудь навеки уничтожит все лужи. (Прославление.) Это для меня будет по-настоящему благой вестью. Ну что ж, мне больно говорить об этом, но эти три женщины, рассуждая о том, что же такое Благая весть (Евангелие), настолько запутали друг друга, что решили устроить состязание. Они вышли на улицу и стали бросать друг в друга грязью.

Когда в последний раз я видел их, они все еще не догадались, что каждая уяснила только часть Благой вести и ей нужны все три составляющие для того, чтобы в самом деле решить проблему данного малыша.

Но, как любит говорить Уолтер Кронкайт, «так оно все и бывает».

Фундамент и стены

*«Когда разрушены основания, что
сделает праведник?» (Пс. 10:3).*

*«Ибо никто не может положить
другого основания, кроме поло-
женного, которое есть Иисус
Христос» (1 Кор. 3:11).*

Никто не ожидал, что понадобится так много времени для того, чтобы построить здание. Оно должно было быть возведено много лет назад, но делу мешали постоянные отсрочки и задержки; и временами казалось, что здание по сравнению с прошлым даже дальше от окончательного завершения.

Архитектор прислал Проект, в котором были даны четкие инструкции насчет того, как закончить строительство. Но одни толковали Проект так, другие — иначе, а остальные и вовсе оставили его без внимания. Наконец, строители до такой степени растерялись, что Архитектор прислал им еще и Дополнительные Инструкции, еще более подробные, в надежде, что

они успешно разъясят первоначальный Проект, так что уже не останется никого, кто не понял бы Его плана относительно этого здания.

Поначалу казалось, что Дополнительные Инструкции вот-вот сработают. Они побудили строителей глубже изучить намерения Архитектора, и те принялись возводить здание с необыкновенной сплоченностью и энергией. Фундамент здания был крепок и построен на славу. Стены поднялись к небу (Освящение), а центральную часть здания поддерживали несколько великолепных колонн, которые несли на себе тяжесть всей конструкции. Строители были полны истового рвения и с надеждой смотрели вперед, предвидя то время, когда работа будет окончена и Архитектор придет к ним, как Он и обещал.

Но прибытие Архитектора откладывалось, поскольку в дело вмешались другие многочисленные интересы, и прошло уже немало времени, а строительство застыло едва ли не на том же самом месте.

Затем стали приходить послания от тех, кто был хорошо знаком с Архитектором. Они гласили, что Он вскоре придет, независимо от того, сумеют ли строители достроить здание! В той стране, где оно возводилось, шла война, и был жестокий Враг, который больше всего на свете желал увидеть, как будет разрушено здание и все, что его окружает. Наблюдатель, в задачу которого входило следить за Врагом и предупреждать о его приближении, докладывал, что, судя по всему, вражеские войска вскоре будут достаточно сильны, чтобы осуществить свои намерения.

Когда строители только начинали возводить здание, они были полны рвения. Но вскоре все почувствовали растерянность. Некоторые из строителей считали, что фундамент недостаточно прочен для того, чтобы выдержать вес конструкций. За то время, пока их работа стояла на месте и интереса к зданию не

было, большую площадь фундамента засыпало щебнем и битым кирпичом. Эти обломки скрыли из виду значительную часть фундамента (Оправдание). Когда строительство возобновилось, оказалось, что некоторые рабочие возводили стены прямо на грунте, справа от здания, вовсе не опираясь на фундамент. Другие же сильно отступили влево. Те же, кто понимал абсолютную необходимость наличия у здания прочного фундамента, принялись убеждать остальных, что работы следует производить в точности на фундаменте. Они настаивали на том, что если фундамент был выполнен в соответствии с Проектом, этого вполне достаточно.

Возникли сильные разногласия, и возведение здания вновь было приостановлено на долгое время, а рабочие тем временем предавались спорам, обмениваясь едкими замечаниями, оскорблениями и клеветой, а при случае не прочь даже были швырнуть в противника обломок кирпича.

Все работники имели одинаковый доступ к Проекту (Библия), а также к Дополнительным Инструкциям (Дух пророчества), и тем не менее те, кто изучал их, приходили к разным выводам, в связи с чем возникла тенденция все больше и больше сомневаться в источниках информации. Некоторые до хрипоты доказывали, будто Архитектор лично сказал, что все по-настоящему важное и необходимое для завершения строительства содержится в первоначальном Проекте.

— Если бы мы ограничили себя первоначальным Проектом и забыли о Дополнительных Инструкциях, — настаивали они, — нам, возможно, было бы легче прийти к соглашению, как нам следует строить здание.

Эта идея понравилась многим рабочим. Они отбросили за ненадобностью Дополнительные Инструкции, присланные Архитектором, и стали изучать исключительно лишь первоначальный Проект.

— Это не потому, что мы не верим в Дополнительные Инструкции, которые действительно были присланы Архитектором, — говорили они сомневающимся. — Дело в том, что, по нашему мнению, строители пренебрегли первоначальным Проектом, и мы пытаемся исправить ситуацию.

В один прекрасный день группа рабочих собралась в центральной части здания — в той самой, которая была окончена сразу после того, как были даны Дополнительные Инструкции. У них были молоты и ломы, и они принялись отбивать края центральных колонн, на которых держалось здание.

— Мы изучили Проект, — сказали они. — Дополнительные Инструкции создают ошибочную картину вещей. Эти колонны были построены неверно. Мы собираемся снести их и перестроить.

Многие строители отбросили в сторону свои дела и присоединились к этой группе.

Но другие рабочие встревожились. «Если вы разрушите центральные колонны, здание не устоит!» — воскликнули они.

— Не будьте такими пессимистами, — возражали первые. — Нам было сказано, и это есть даже в ваших Дополнительных Инструкциях, что строительство будет продолжаться до тех пор, пока не придет Сам Архитектор. Мы просто создаем новое здание, как и было предсказано.

— Но, — настаивали вторые, — Дополнительные Инструкции в особенности подчеркивают, что вы не должны сносить центральные колонны в надежде выстроить новое здание.

Тогда прораб второпях созвал собрание для того, чтобы остановить разрушение колонн, пока здание целиком не рухнуло.

Некоторые из явившихся на собрание полагали, что люди с ломami правы и им следует позволить продол-

жать работу. Другие думали, что они целиком и полностью ошибаются и их нужно погнать со строительной площадки, с тем чтобы они никогда больше не возвращались. Нашлись и такие, которые полагали, что каждый человек волен строить или разрушать в соответствии с собственным пониманием. А многие вообще не были уверены, так ли уж это важно: действовать так или иначе... Они считали, что самое главное — это следить за Врагом, которой теперь мог явиться в любую минуту, чтобы разрушить здание. И только некоторые настаивали на том, что следует в большей степени опасаться внутреннего врага, нежели внешнего, и что Врагу не придется разрушать здание, если рабочие сами снесут его. Но их голоса терялись в общем шуме. Дискуссии и споры продолжались.

И никто из них, похоже, не заметил, что Враг уже пришел.

Притча о больном

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; пойдите, научитесь, что значит: "милости хочу, а не жертвы"? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:12,13).

В былые времена жил человек, который никогда не болел. Но однажды он все-таки почувствовал тупую боль. *Что об этом беспокоиться?* — подумал он. — *Само пройдет.* Но боль не проходила. Более того, она становилась все сильнее, так что наконец он сдался и отправился к врачу.

Доктор даже не потрудился осмотреть больного, чтобы поставить окончательный диагноз.

— У меня есть две новости: одна хорошая, а другая плохая, — сообщил он пациенту.

— Скажите сначала плохую, — ответил наш герой.

— Ладно, — сказал доктор, и в голосе его прозвучала печаль. — У вас ужасное заболевание. По правде сказать, — продолжал он, — оно неизлечимо.

— Но вы уверены, доктор? — встревоженно спросил пациент. — Я никогда раньше не болел. Вы точно знаете, что здесь нет ошибки?

— Я никогда не ошибаюсь, когда ставлю диагноз, — ответил доктор. — Но хотите ли вы услышать хорошую новость?

— Ах, да! — сказал больной. — Я совсем забыл о ней.

— У меня есть лекарство от вашей болезни, — продолжал доктор. — Я разработал его, и здесь — единственное место на свете, где вы можете его получить. Оно стоило мне всего, что я имел, но я готов отдать его вам бесплатно.

Прямо скажем, это была действительно хорошая новость для нашего больного, и он тут же понял, что, явившись на прием к этому доктору, он поступил совершенно правильно. В волнении он поднялся и уже готов было покинуть кабинет, но доктор остановил его.

— Вы можете получить лекарство у моего коллеги в соседнем кабинете (Святой Дух), и у вас больше не будет необходимости часто приходить ко мне.

Эти слова вернули нашего больного в реальный мир. Он присел, чтобы еще кое-что спросить.

— Доктор, вы действительно уверены, что можете спасти меня от смерти, исцелив мою болезнь? — спросил он.

— Абсолютно, — прозвучал ответ. — Я не потерял ни одного пациента.

— Ни разу?

— Ни разу!

— И вы сказали, что я избегу смерти только в том случае, если избавлюсь от болезни? — спросил пациент.

— Молодой человек, вы в своем уме? — в изумлении произнес доктор. — Здоровье — это не требование, а преимущество!

— Ну хорошо, — согласился больной. — Но как много времени понадобится, чтобы вылечить меня?

— Каждый случай уникален, — ответил доктор. — Все зависит от того, насколько регулярно вы будете обращаться ко мне и принимать свое лекарство. Но я могу дать вам абсолютную гарантию — до тех пор, пока вы будете поддерживать контакт со мной, смерть вам не грозит.

Пациент снова задумался.

— Доктор, — сказал он, — только одно у меня в голове не укладывается. Если мне не грозит смерть, то почему я должен поддерживать с вами связь и принимать ваше лекарство?

— У вас серьезное заболевание с губительными симптомами, — напомнил ему доктор. — Вы не сможете жить независимо от меня, пока не избавитесь от своей болезни. Когда я сказал, что смерть вам не грозит, я имел в виду эффективность моего лекарства. Если вы отдадите себя в мои руки, я обещаю вам больше, чем просто лечение.

Больной забрал лекарство и отправился домой. Поначалу он ежедневно принимал положенную дозу и снова почувствовал себя отменно. Более того, он чувствовал себя настолько хорошо, что через некоторое время решил, что ему больше не нужно принимать лекарство в точности по предписанию. Через несколько дней он вообще позабыл о нем. И, разумеется, симптомы болезни возобновились.

Он снова отправился к доктору, который, разумеется, знал, что пациент не так уж сильно верит в силу его лекарства и предписаний.

— Если вы хотите чувствовать себя хорошо, вы просто обязаны делать то, что я сказал, — объяснил он больному. — Вы уже убедились в эффективности моего лекарства, как я и обещал, но если вы хотите быть в порядке, вам необходимо принимать лекарство и все время находиться под моим наблюдением.

После этого случая наш больной уже не забывал предписаний доктора; день за днем он принимал полу-

ченное от него лекарство и продолжал советоваться с ним, дабы убедиться в том, что он добросовестно выполняет требования врача.

Но когда наш больной явился на прием в следующий раз, было заметно, что он чем-то озабочен.

— Иногда я *чувствую*, что полностью исцелен, — сказал он, — но порой я испытываю неуверенность в том, что я достаточно верю в ваше мастерство и в лекарство, данное вами, чтобы *когда-нибудь* по-настоящему, окончательно освободиться от этой проблемы.

Доктор улыбнулся, поскольку многие из его пациентов испытывали те же самые чувства.

— Послушайте, друг мой, — сказал он. — Вы должны помнить, что над *вашей* болезнью вы не в состоянии «одержать окончательную победу», как вы только что изволили заметить. *Я* могу сделать это. Лекарство — мое. Ваша уверенность основывается не на том, что *вы* принимаете лекарство. Корни вашей уверенности — во мне, вашем докторе. Доверьтесь мне! Все происходит потому, что вы правильно проходите курс лечения. Правда в том, что вы все еще — причем в любое время — можете почувствовать возвращение симптомов, но это не должно лишать вас мужества. Это просто напómнит вам о том, как вы нуждаетесь во мне. Недостаток уверенности происходит от того, что вы ничего обо мне не знаете и не доверяете мне. Помните, главная работа — моя, и я способен ее выполнить. Разве это недостаточно убедительно?

А затем случилась интересная штука. Чем чаще наш больной общался с доктором, тем большими друзьями они становились. Каким-то неведомым образом он все меньше обращал внимание на свои симптомы, но чувство зависимости от врача все возрастало. В конечном итоге, ничто не может помешать человеку завязать долгие и плодотворные отношения с великим и добрым Целителем.

Прощай, Равви!

«Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?» (Рим. 6:1, 2).

«Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8:11).

Женщина поднялась с колен, на которые упала в испуге, и засуетилась, намереваясь уйти. Но потом, неожиданно осознав напутствие Иисуса, остановилась и вопросительно взглянула на своего избавителя.

— Как это: «больше не греши»? — спросила она.

— Я думаю, ты знаешь, что я имею в виду, — отвечал Иисус.

— Но я не знаю этого, Равви, разве что Ты считаешь мои отношения с Рувимом греховными.

— А как бы ты их назвала?

— Нормальными отношениями, — отвечала женщина. — Соглашение между двумя людьми, в котором

каждый из нас стремится полностью реализовать свой потенциал.

— Действительно! — сказал Иисус.

— Мы с Рувимом любим друг друга. Ты, конечно, знаешь, что это значит! Разве могут быть греховными отношения, выражающие истинную любовь?

— Ну хорошо, а как насчет брачного союза с твоим мужем?

— С Исааком? Ну, Равви, мы с Исааком никогда не были близки по-настоящему. В совместной жизни мы не можем в полной мере развивать свои способности.

— Но как это относится к...

— Послушай, Равви. Человек имеет обязанности перед самим собой. Например, право на личное счастье.

— В самом деле?

— Конечно, и почему мы должны позволять старомодному фарисейству связывать нас взаимоотношениями, которые бесплодны и пусты?

— О, ты хочешь сказать, что Исаак не может иметь детей, и ты надеешься, что Рувим...

— Равви! Не притворяйся. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Богу известно, что Исаак способен иметь детей. В доказательство могу сказать, что у меня их трое.

— У тебя трое детей? И ты намереваешься нарушить свои брачные обеты и продолжать связь с этим человеком, Рувимом?

— О, Равви, какой Ты милый! «Продолжать связь с этим человеком, Рувимом». Такие речи можно было услышать только во времена Судей. Я не говорю, что мы с Рувимом навеки останемся вместе; мы вполне можем через некоторое время опередить в развитии один другого и испытать потребность в большем самовыражении. Люди меняются, Ты знаешь.

— Но дети?

— Дети не так хрупки, как нам кажется, Равви. Ты бы поразился, увидев, как хорошо они относятся к Рувиму, как они виснут на нем, когда он остается к завтраку, — в те дни, когда Исаак уходит с караваном. Они зовут его дядя Руб, а он показывает им фокусы. Им это нравится. Они, безусловно, предпочитают его Натану.

— Натан?

— Мимолетная связь. Это было раньше. Вообще-то он здорово выпивал. Говорил, что его совесть мучает и всякого рода формальности. Я сказала, что он должен брать пример с таких людей, как Ты.

— Как Я? Чем Я мог бы помочь ему?

— О, Ты хорошо знаешь свое дело, когда говоришь о том, что не нужно позволять чувству вины парализовать тебя и не следует бояться людской молвы.

— Хм... но скажи мне, если твой Рувим так сильно любит тебя, почему его сегодня нет здесь?

— Он хотел прийти, Равви, он действительно хотел, очень. Но он просто не выносит вида крови. Он — очень чувствительный человек, совсем не похож на Джошуа.

— Джошуа? Еще одна мимолетная...

— О, это было сто лет назад, ничего существенного, в самом деле нет. Можно сказать, я тогда только пробовала свои силы.

— Что ты скажешь мужу о том, что произошло сегодня?

— Я скажу, что ему следует увидеть во всем этом поучительный опыт, чтобы расширить границы своих взглядов. Но мне надо бежать. Прощай, Равви! Будь здоров.

Иисус проводил взглядом удалявшуюся фигуру. Потом Он опустил голову, и из глаз Его потекли слезы, вызванные чувством жалости к бедной, запутавшейся женщине.

Охотник и медведь

«Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха» (Евр. 12:4).

«Итак, покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас. Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам» (Иак. 4:7, 8).

Охотник бродил по лесу в поисках зверя, когда на холме показался громадный медведь. Охотник поднял ружье и был уже готов выстрелить, когда, к своему удивлению, услышал голос медведя:

- Остановись! Что ты собираешься сделать?
- Пристрелить тебя, — сказал охотник.
- Но зачем? — спросил медведь.
- Потому что мне нужна меховая шуба.
- Но мне тоже кое-что нужно, — заявил медведь.
- Что же?

— Мне нужно хорошо позавтракать. Почему бы тебе не подняться ко мне на холм, чтобы мы смогли обсудить наши интересы?

Таким образом охотник и медведь прямо на макушке холма устроили «совещание в верхах». Через некоторое время медведь удалился. Он получил то, что хотел — хороший завтрак!

А охотник получил свою меховую шубу. Но, правда, не совсем такую, какую хотел... вернее, совсем не такую!

Лев и тигр

«Я видел большое волнение... но я не знаю, что там было» (2 Цар. 18:29).

Лев повстречал тигра на водопое.

Тигр спросил льва:

— Почему ты рычишь, как глупец?

— Это вовсе не глупость, — ответил лев, и глаза его сверкнули. — Благодаря такой рекламе меня называют царем зверей.

Их разговор подслушал кролик и тут же со всех ног помчался домой. Он надеялся, что сумеет повторить этот рекламный трюк, но его «рев» оказался всего лишь писком.

Мимо проходила лиса. На этот раз ее ожидал неплохой завтрак.

Мораль: никогда не начинайте рекламной кампании, не имея товара.

ОБРАЩЕНИЕ

Леонард, связанный волк
Лоренс и Кристина

Леонард, связанный волк

Кен Мак-Фарланд

«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17).

Волк Леонард чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Его товарищи — разумеется, все они тоже были волками — слонялись вокруг овечьего стада, расположившегося поблизости. Конечно, они намеревались и дальше быть неподалеку — исключительно из соображений удовлетворения аппетита. Но больше всего Леонарда беспокоило странное намерение волков, которые собирались прикинуться овцами и хотели, чтобы все вокруг им поверили. Они даже напялили овечьи шкуры!

В довершение всех бед каждые выходные приятели заставляли Леонарда выржаться в овечью шкуру. Затем они с глухим рычанием гнали его в загон для овец, где один из помощников Пастыря с утра до ночи читал ему проповеди о том, как стать идеальной овцой.

Тем не менее в стаде все же имелось несколько настоящих овец. Похоже, они в самом деле извлекали какую-то пользу из бесед подпаса. Но значительно больше было тех, кто носил овечью шкуру и притворялся овечкой в надежде одурачить настоящих овец — и даже гуляющих в стаде волков.

Так они и дурачили всех, но только не Леонарда! Он различал их с первого взгляда. Это было легко. Большая часть из них, являясь домой, сбрасывали с себя овечьи шкуры и остальную часть недели жили, как подобает волкам.

По странному стечению обстоятельств настоящие друзья Леонарда принялись носить овечьи шкуры, не снимая, — во всяком случае Леонард больше не видел их «раздетыми». Может быть, они полагали, что если будут в достаточной мере походить на овечек, то в конце концов в них и превратятся.

Родители Леонарда, похоже, всей душой желали, чтобы он вел себя, как овечка, несмотря на то, что ему больше радости принесло бы быть волком и роль овцы была ему ненавистна.

Родня отправила его в школу для овец, хотя могла бы сэкономить кучу денег, отправив его в школу для волков, которая к тому же находилась поблизости. Овечья школа предназначалась для тупиц. Леонард брал там уроки для овечек. О! У них там было около тридцати миллионов всяких правил: насчет того, что должна и чего не должна делать овца. Ему пришлось читать «Руководство Пастыря» и делать вид, что он разговаривает с Ним Самим, несмотря на то, что Леонард никогда не видел этого Пастыря и порой сомневался в Его существовании. Ему приходилось распространять среди волков маленькие овечьи памфлеты, призванные убедить их становиться овцами. Ему приходилось каждую неделю ходить на все овечьи собрания и изучать по выходным «Библейские уроки для овечек».

Самым досадным было то, что наиболее привлекательное делать не полагалось. Нельзя было околачиваться по вечерам под окнами соседей вместе с другими молодыми волками, пить волчьи коктейли, шляться по забегаловкам с хорошенькими маленькими лисичками, смотреть «серые шоу» по телевизору, курить волкихану или слушать свои любимые рок-н-войные группы.

В овечьей школе, во время общих собраний по выходным, среди учеников можно было встретить разве что пару-тройку настоящих овец. Они постоянно рассуждали о Главном Пастыре, читали Его Руководство, питались травой и улыбались. Было похоже, что они и вправду знали, куда идти. Они заставляли Леонарда нервничать.

Большинство же ближайших друзей Леонарда были такими же, как он, волками, которые просто одели на себя овечьи шкуры, поскольку вынуждены были сделать это. Но когда они оказывались вместе, без посторонних глаз, они обычно сбрасывали эти одежды и плевать хотели на свою овечью жизнь. Для них идея овечьего существования сводилась к одному: «Не делай то, что тебе нравится. Выплюнь то, что показалось тебе вкусным. Если тебе весело, остановись!»

Предполагалось, что они будут любить Главного Пастыря, но на самом деле все они скорее ненавидели Его — этого противника всякого веселья, царящего на небесах, Руководство Которого невозможно было читать.

— Мне хотелось бы просто-напросто бросить все это, — сказал как-то Леонард. — Вырваться из этой тюрьмы и по-настоящему повеселиться — вы понимаете, просто плюнуть на все это, подобно ребятам из волчьей школы.

В один прекрасный день овечка из класса Леонарда случайно услышала, как он с друзьями рассуждает об этом. После того как все разошлись, она подошла к Леонарду и присела возле него.

— Не хочешь ли поговорить об этом? — спросила она.
«Почему бы и нет?» — подумал Леонард, — хотя ему и казалось, что эта девушка, будучи истинной овечкой, вряд ли поймет его чувства. Но овечка по имени Венди внимательно слушала, пока молодой волк говорил ей о своих тревогах и разочарованиях.

— Леонард, — сказала Венди, когда он наконец излил ей душу. — Я понимаю, что ты чувствуешь. Знаешь, а ведь еще пару лет тому назад я не была овечкой. Леонард удивленно уставился на нее.

— Я росла так же, как и ты, — продолжала Венди. — Меня заставляли жить, подобно овечке, и я ненавидела каждую минуту этой жизни. Мои предки были похожи на твоих — они были волками, которые просто носили овечьи шкуры, хотя и пытались превратиться в овец.

В конце концов я поняла, что не могу больше терпеть. Я чувствовала, что должна сбежать, найти себя и дальше жить своим умом. И тогда я бросила все. Я оставила школу для овечек, свое стадо, даже маленькое стойло в родительском доме — все. Я сбежала, присоединившись к огромной стае волков, которая бродила далеко-далеко. Поначалу я отлично проводила время, делая все, что мне хотелось.

Но довольно скоро я обнаружила, что делать все, что захочется, не так уж весело, как я прежде себе представляла. Веселью можно было предаваться до поры до времени, потому что чувство радости было поверхностным и длилось несколько минут, а потом испарялось, словно пузырьки в газировке. В душе моей было все так же пусто.

Многие развлечения обошлись мне слишком дорого. Кто-то сказал, что, если ввести в вену паучий яд, можно почувствовать себя величайшим из волков, когда-либо живших на свете. Это развлечение обернулось смертельной опасностью, когда под угрозой оказалась моя жизнь.

Наконец, у меня кончились деньги, не стало их и у моих друзей. Что я только не пробовала. Здоровье мое было подорвано. Не было больше новых приключений. Осталась лишь пустота где-то внутри меня, которую я, похоже, не в состоянии была заполнить.

Однажды вечером я решила выйти из игры — броситься под машину, покончив со всем сразу. Но совершенно случайно я неожиданно открыла Руководство Верховного Пастыря. Никто не заставлял меня. Это было нечто, что мне захотелось сделать самой.

Я никогда не испытывала подобного потрясения! В глубине души я ожидала, что найду здесь лишь большой список правил, которые обрушивались на нас в овечьей школе. Но вместо этого я обнаружила самую прекрасную историю из всех, которые когда-либо слышала. В ней говорилось о том времени, когда в мире вообще не было волков, кроме одного волка, возненавидевшего Верховного Пастыря. Этот волк принялся похищать овец из стада, принадлежавшего Пастырю, и превращал их в волков. С того самого времени все мы оказались отдалены от Верховного Пастыря. И нет ничего удивительного в том, что очень скоро волчьи привычки стали нашими собственными.

Но Верховный Пастырь продолжает любить нас. Он стал Агнцем, оставив Небо, и умер за нас, чтобы каждый волк смог вновь стать агнцем и жить вечно в стране зеленых пастбищ и тихих вод.

Итак, я все читала и читала, пока сон не одолел меня. Но к тому времени я обнаружила, что уже с надеждой смотрю в будущее. Я обрела самого Лучшего Друга во всем мире. И подумать только: все время, пока я училась в овечьей школе, я сторонилась Его!

Я увидела Того, Кто не осуждает, а любит меня, Того, Кто желает мне настоящего счастья.

С той самой ночи я стараюсь все больше и больше узнать о Верховном Пастыре, посвящая этому все вре-

мя. И чем чаще я говорю с Ним и читаю о Нем, тем больше странных перемен происходит в моей жизни.

Я стала замечать, что волчьи увлечения уже не приносили мне радости. И, наоборот, то, что принято делать среди овец, вызывало во мне восхищение. И наконец, в один прекрасный день я поняла причину этих перемен. Леонард, я открыла, что стала овечкой! Не волчицей, одетой в овечью шкуру, а настоящей овечкой. Ты даже не можешь себе представить, насколько я счастлива!

Леонард несколько часов терпеливо слушал Венди. Она открыла ему то, в чем он нуждался. В тот вечер, придя домой, он нашел себе тихое местечко, где мог побыть один, и излил свое сердце Верховному Пастырю. И той же ночью, еще до того, как отправиться спасать, Леонард сбросил с себя овечью шкуру.

Вряд ли она когда-нибудь ему понадобится.

Лоренс и Кристина

«Так и вы, братья мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу... Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве» (Рим. 7:4, 6).

Лоренс* пользовался всеобщим уважением. Он был душой любой компании. Кристина** была убеждена, что их будущий брак — один из тех, что заключаются на небесах. Она видела множество прекрасных качеств Лоренса и со временем... ну, не то чтобы полюбила его, но, безусловно, стала относиться с большим уважением. Она была уверена: любовь придет, стоит им подольше прожить вместе.

* Лоренс — от Law — закон (прим. пер.)

** Кристина — от Christian — христианка (прим. пер.)

Наступил день свадьбы. Заиграла мелодичная музыка, и Кристина направилась к алтарю, чтобы публично заключить с Лоренсом брачный обет. Она обещала оставаться верной ему до тех пор, пока смерть не разлучит их, и наконец молодые люди были объявлены мужем и женой.

Но еще до того как окончился их медовый месяц, возникли первые проблемы. К тому времени, как молодые переехали в новый дом, со всей очевидностью стало ясно, что их вкусы совершенно не совпадают. Кристина выглядела все более несчастной. Терпимость была не присуща Лоренсу. Его слово было решающим, спорить с ним было бесполезно. Не то чтобы он пытался заставить ее делать все по-своему, он просто все время был рядом, глядя на нее с упреком всякий раз, когда она пыталась проявить инициативу и быть такой, какая она есть. Кристина все больше и больше уставала от его постоянных упреков. Лоренс не только осуждал ее поведение, он также осуждал ее мотивы.

Кристина пыталась сделать все, чтобы угодить ему. День за днем она просыпалась с одной мыслью: сегодня Лоренс останется ею доволен. Но когда она сосредотачивала внимание на каком-то одном моменте, чтобы не сделать ни единой ошибки, то вскоре обнаруживала, что в чем-то другом допустила промах. Бывали времена, когда все лучшие порывы души приносили ей лишь разочарование. Похоже, чем больше она старалась, тем больше ошибок допускала.

Порой Кристина бывала настолько разочарована, что пускала все на самотек и проводила целый день так, как ей нравилось. Она находила удовольствие в том, чтобы, оставив одежду где попало, а немытую посуду в раковине, смотреть кино по телевизору и горстями есть картофельные чипсы и шоколад.

Действуя тем и другим способом, Кристина лишь убедилась в том, что она бесконечно далека от идеалов

Лоренса. Она всегда чувствовала на себе его тяжелый взгляд, который осуждал, обвинял и упрекал ее.

Однажды ночью, лежа рядом с ним в постели, Кристина поняла, что больше не может так жить. Лоренс, который раньше пользовался ее уважением, теперь казался отвратительным и ненавистным. Она никогда не сможет угодить ему, не стоит и пытаться. Она не может соответствовать его требованиям в течение одного дня, а уж тем более не сможет в течение всей жизни, как обещала когда-то.

Если бы только она могла выйти замуж за кого-то другого! За человека, который одобрял бы ее действия и любил такой, какая она есть. Но — «покуда смерть не разлучит нас» — вспомнилось ей. Неожиданно в голове Кристины родилась идея! Лоренс спокойно спал рядом. Если бы она каким-то образом ухитрилась... Но как? Вскоре она поняла, что просто неспособна убить его, у нее не было сил для этого.

Затем ее посетила другая мысль: может быть, ей удастся лишить жизни себя? Чего в конце концов стоит такая жизнь? Но она с удивлением обнаружила, что у нее не хватит сил даже на это. И тем не менее дальше так продолжаться не могло. В полном отчаянии, понимая, что сама она ничем не может помочь себе, Кристина вскричала:

— Боже, если что-нибудь и должно произойти, что избавит меня от этого кошмара, Тебе придется это сделать. Господи, я прошу Тебя вмешаться.

И в первый раз за многие годы она вдруг ощутила внутренний мир и уснула.

На другой день Кристина проснулась рано утром. Лоренс, несомненно, все еще был здесь. А может быть, мужчина, лежавший рядом с ней, был вовсе не Лоренсом, а его братом-близнецом? В Его глазах она увидела слезы, а прекрасные черты Его лица выражали глубокую внутреннюю борьбу. На Его руках она увидела сле-

ды от ран, которые она не замечала раньше. Вместо того чтобы поспешить на кухню, она стала разговаривать с мужем. Она начала понимать, что перед нею — человек с добрым сердцем, который будет любить и принимать ее, независимо от того, будет ли завтрак приготовлен безупречно или не приготовлен вообще. С того дня она все чаще испытывала внутреннее облегчение и даже стала напевать, выполняя работу по дому.

И, странное дело, чем более любимой и принятой чувствовала себя Кристина, тем меньше она волновалась о том, как выглядит, и тем меньше ошибок совершала. И требования Лоренса уже не казались ей невыполнимыми, как это было раньше.

И наконец в один прекрасный день Кристина поняла, что сами ее отношения с Лоренсом изменились. Она любила Его. Она не только находила удовольствие в том, чтобы доставлять Ему радость, — изменились ее манеры и наклонности. Теперь она все больше любила то, что радовало Его.

Когда-то Кристина думала, что сможет обрести мир только тогда, когда Лоренс умрет. Но именно она умерла и была воскрешена к новой жизни.

ОТКАЗЫВАЯСЬ ОТ...

Грузовик

Мой брат, путешествующий
автостопом

Мой новый «фольксваген»

Кусок земли

Боксерский поединок

Грузовик

«Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп. 2:12, 13).

Миновав окраины Лас-Вегаса, я заметил среди указателей название того города, о котором поведал мне друг с семьдесят седьмого этажа Эмпайр Стейт Билдинг в Нью-Йорке. Насколько я понял, указатель сообщал, что этот город находится в одной тысяче и пяти триллионах миль отсюда. Но в ту минуту я не думал о расстоянии. Я решил попасть туда даже ценою собственной жизни. Прибавив обороты, я мчался по шоссе к заветному городу. Автострада с четырьмя полосами движения была чудесна, хотя и не имела центральной разделительной линии. Я решил ехать так быстро, как только смогу, чтобы поскорее встретиться со своей судьбой.

Но вскоре я обнаружил нечто ужасное. Похоже, все движение было направлено мне навстречу — машины

одна за другой мчались к Лас-Вегасу. Это было похоже на то, что я неправильно ехал по улице с односторонним движением. Лишь изредка можно было увидеть машины, которые, похоже, двигались в том же направлении, что и я. Из-за столь оживленного потока автомобилей навстречу мне я был вынужден сбавить скорость. Мне приходилось прижиматься к обочине. А съехав на обочину, я продолжал двигаться все медленнее и медленнее — семнадцать, шестнадцать, четырнадцать, двенадцать миль в час. Всем ясно, что, двигаясь со скоростью двенадцать миль в час, вы никогда не доберетесь до цели, которая расположена в пяти триллионах миль от вас.

В довершение всего, стоило мне съехать с шоссе, как впереди у откоса показался огромный грузовик — «петербилт», груженный бревнами. Он свернул на мою полосу, затем на обочину и направлялся прямоком к моей машине, не обращая внимания на мои отчаянные сигналы. В общем, мне вовсе не улыбалось столкновение с грузовиком. Подняв тучу пыли и гравия, я съехал. На бортах моего «ягуара» остались отчетливые царапины.

Некоторое время я сидел в машине, разочарованно прикидывая, каковы мои шансы добраться до отдаленного города, но тут мне на ум пришли слова моего друга, описывавшего красоту города. Выбравшись из придорожной канавы, я снова поехал по автострате, надеясь, что на этот раз мне повезет больше. Но двигаться по-прежнему было трудно, и мне пришлось тащиться по обочине со скоростью двадцать миль в час. Временами грузовики вновь проносились по обочине. Очередной был гружен сеном и направлялся прямоком мне навстречу. И снова я оказался в придорожной канаве.

Путешествие, похожее на непрерывный кошмар, продолжалось. Я то и дело съезжал в канаву и выби-

рался из нее... В один прекрасный день я снова сидел в какой-то канаве, размышляя, не бросить ли мне все это. Я был готов навеки позабыть о своем намерении добраться до города, и в этот момент раздался стук в боковое стекло, вызвавший мое удивление, поскольку я не видел на дороге хич-хайкеров*. Но, выглянув в окно, к своей огромной радости я увидел знакомого с семьдесят седьмого этажа. Открыв дверцу, я поздоровался с ним. Мой друг сказал:

— Хотите, я поведу вместо вас?

Я не был уверен в том, что он в полной мере представляет себе всю рискованность маршрута, поэтому спросил:

— Вы уже ездили этой дорогой?

— Да, мне уже приходилось путешествовать по этому маршруту.

— Отлично. — Я убедился, что эта поездка — настоящий кошмар. Буду очень рад, если вы поведете машину вместо меня.

Я пересел на место для пассажира, а он сел за руль. Пока он выруливал на дорогу, рукав его рубашки поднялся, и я увидел мускулистую руку.

— Между прочим, где вы работаете? — спросил я.

— В мебельном магазине, — ответил мой попутчик.

И он двинулся вперед по шоссе со скоростью девяносто миль в час. Он вообще не съезжал на обочину. Я не верил своим глазам, просто сидел и изумленно смотрел по сторонам. Ему уступали дорогу все автомобили последних моделей. «Девяносто миль в час!... — подумал я. — Похоже, что в конце концов мы доберемся до города». Меня переполняла радость — до такой степени, что хотелось крикнуть в окно: «Посмотрите на моего водителя!» Мне хотелось, чтобы все обратили на него внимание.

* Хич-хайкеры - люди, путешествующие «автостопом» (прим. пер.).

В один прекрасный день, когда мы мчались по шоссе, впереди появился громадный грузовик. Шоферу было все равно, кто ведет мою машину, — грузовик двигался прямо на нас. Представив все последствия столкновения на скорости девяносто миль в час, я потянулся к рулю, чтобы успеть перехватить управление раньше, чем мы окажемся в опасной зоне. Мой водитель не обратил на мои действия никакого внимания — он продолжал мчаться вперед. Я как мог быстро вывернул руль, взвизгнули тормоза, и автомобиль, накренившись, съехал в канаву.

Я никому из вас не желаю испытать что-то подобное. Тучи гравия обрушились на автомобиль, засыпав его по самую крышу, крылья помялись, пока мы сползали по насыпи, однако нам каким-то образом удалось избежать столкновения с грузовиком. И когда пыль улеглась, я обнаружил, что мой шофер все еще находится рядом со мной. Он трепал меня за плечо, спрашивая:

— Не хотите, чтобы я снова повел машину?

— Но как мы можем ехать? — спросил я. — Крылья смяты до самых колес.

— Не беспокойтесь, — отвечал он. — Я знаю, как их выпрямить.

И, к своему изумлению, я обнаружил, что он — отличный механик. Уж и не знаю, как он мог научиться подобному ремеслу, работая в мебельном магазине.

Вскоре крыльям была предана прежняя форма, и мы снова выбрались на дорогу и помчались со скоростью девяносто миль в час. Так мы путешествовали несколько дней. Я понял, что мой шофер отнюдь не склонен «давить» на меня. В любое время я мог вести машину сам. Но каждое утро, когда мы отправлялись в путь, он спрашивал моего позволения сесть за руль, которое тут же получал.

И вот в один прекрасный день впереди показался очередной грузовик, нагруженный сеном. «Теперь

смотри в оба, — сказал я себе. — Сохраняй хладнокровие. Не делай глупостей. Держи руки подальше от рулевого колеса. Он знает, как обращаться с грузовиками. Не стой у него на пути!» Но чувствовал я себя совсем *иначе*. Мне хотелось что-то предпринять. И тем не менее, поскольку он говорил, что и раньше ездил этой дорогой, я доверился его опыту.

Я закрыл глаза и снова открыл их, принялся грызть ногти, пристегнул ремень безопасности, а мой шофер приближался к грузовику, увеличив скорость до 120 миль в час. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы усидеть на месте.

Каким-то образом я ухитрился не мешать ему, и прямо перед самым столкновением в канаву съехал грузовик. Я не мог этому поверить. Когда мы проносились мимо, я успел бросить взгляд на шофера. Это был человек с шестьдесят шестого этажа в Нью-Йорке, тот самый, с которым мы улетели в Лас-Вегас.

Искренне взволнованный, я поблагодарил моего водителя. Честно говоря, это был потрясающий опыт. Но затем, к моему удивлению, мне наскучил мелькающий за окнами пейзаж, и я почувствовал себя подавленным: ведь машину вел не я. Я стал нетерпелив, путешествие утомляло меня. Естественно, я не желал признавать, что не умею водить машину. Это ущемляло мое «я». И мне хотелось протестовать: «Я знаю, как вести машину. У меня есть права и опыт». Оставлять руль в руках моего шофера было жестоким испытанием. Я утомился от всех этих удручающих мыслей, и, более того, впереди слева я заметил парк отдыха. Он был похож на сказку — там были сани для бобслея, колесо обозрения с лодочками и все такое. Но хотя я был не прочь сделать остановку, мой шофер, казалось, и не собирался сворачивать с главного шоссе. И тогда я тронул его за плечо и сказал: «Простите, нельзя ли мне сесть за руль?»

Он никогда не лишал меня возможности вести машину, никогда не отказывал в свободе выбора и никогда не возражал — стоило мне только попросить его вернуть руль. Когда он соскользнул с водительского места, я схватился за баранку. К моему удивлению, все эти «датсуны» и «фольксвагены» все еще сторонились моей полосы. Снизив скорость, я взял влево и двинулся через дорогу в сторону парка отдыха. Выполняя поворот, я неверно оценил ситуацию, и мой автомобиль сорвался с обрыва.

Когда я очнулся в разбитом автомобиле на дне обрыва, попутчик тронул меня за плечо и спросил:

— Не хотите ли вы, чтобы я снова повел машину?

— Честно говоря, я уже и сам об этом подумал. — ответил я.

Как ему это удалось, не знаю, но тем не менее он привел в порядок капот автомобиля, а двигатель заработал. Через некоторое время мы вновь двигались по шоссе со скоростью девяносто миль в час. Ощупывая ушибы, я твердо решил никогда больше не прикасаться к рулевому колесу. Шофер не напоминал мне о моей глупости.

Но, двигаясь дальше день за днем, я вновь оказался на сиденье шофера. Я не знал, как это вышло. В самом деле, я даже поначалу не заметил, что веду машину, поскольку у меня на пути не попадалось ни одного автомобиля. Но когда я увидел очередной грузовик, несущийся прямо на меня, сразу понял, что машиной управляю я сам. В голове моей мелькнула мысль: «Ты же видел, как он это делает, и наверняка сможешь сам сделать так же. Увеличь скорость до 120 миль в час и поезжай прямо на грузовик. Это заставит его свернуть в сторону!»

Опасность придала мне сил, и потому я нажал на газ, увеличив скорость до 120 миль в час. Нет необходимости рассказывать вам, что за этим последовало

страшное столкновение! Помню только, что прямо перед ним мой друг очутился рядом, взял руль в свои руки и не выпускал его до конца, несмотря на то, что был изранен и истекал кровью.

После того как лязг металла и звон разбитого стекла затих и я пришел в себя, он спросил:

— Хотите, чтобы я сел за руль?

— За руль чего? — спросил я.

Но вскоре я снова убедился в том, что он прекрасный механик. Когда мы — в который уже раз — выбрались на автостраду и двинулись по направлению к заветному городу, мой шофер снова сидел за рулем. Взглянув на его израненные и кровоточащие руки, я почувствовал себя бесконечно виноватым и попросил у него прощения.

Путешествуя вместе с ним, я осознавал, что совершаю ошибку всякий раз, когда пытаюсь помочь ему, делая то, что он пообещал сделать за меня: управлять автомобилем и доставить меня в тот прекрасный город. Моя ошибка заключалась не в том, что я плохо вел машину, но в том, что я не мог *по-настоящему* довериться ему. Теперь, как только на дороге появлялся грузовик, я без колебания передавал ему руль управления.

Путешествие все еще продолжалось, но в один прекрасный день мы добрались до развилки. Одна дорога вела налево, к расположенному в низине саду — такому прекрасному, что вряд ли опишешь словами: множество цветов, зеленые газоны для игры в гольф, фонтаны, озера и прозрачные реки, бегущие среди пальм. К саду вела автострада в восемь полос движения. Вправо же уходила грунтовая дорога, идущая в гору и потому не скрывавшая выбоин, которые виднелись повсюду.

Какую же из дорог выберет мой водитель? Он выбрал ту, что вела вправо — с выбоинами. Я тронул его за плечо и спросил:

— Вы видели другую дорогу?

— Да.

— И вы уверены, что выбрали правильный путь? Мне показалось, что другая дорога ведет к нашему городу.

— Я знаю, что еду правильной дорогой. Но если вы думаете иначе, можете сами сесть за руль.

— Нет, прошу вас, продолжайте вести машину.

Мы поднимались в гору, скатываясь и буксуя, все выше и выше, и я оглянулся, чтобы посмотреть на те прекрасные сады в долине, и только тут увидел клубы дыма, поднимавшиеся от них к небу.

Теперь мне уже больше ничего не оставалось, как спокойно довериться моему шоферу. Мы продолжали взбираться по мрачной, петляющей дороге, и вдруг случилось нечто потрясающее. За вершиной горы показался необыкновенный свет. Я едва мог дождаться, чтобы рассмотреть, откуда он исходит. Это был самый чудесный свет, какой я только видел в жизни, и мне было видно все лучше и лучше, поскольку мы приближались к нему. Я подумал, что, возможно, свет исходит от заветного города. Честно говоря, к этому времени, хотя долгожданный город по-прежнему интересовал меня, я больше думал о своем водителе, которого после всего пережитого хорошо узнал, полюбил и которому полностью доверял.

Сразу за горой в обетованной земле лежал Святой город, выстроенный Божьими руками.

Мой брат, путешествующий автостопом

«Ибо любовь Христова объемлет нас...» (2 Кор. 5:14).

Мне хотелось бы рассказать вам о естественном послушании, которое непохоже на преднамеренное. Я не стану говорить о человеке, который, весь день сидя в кресле-качалке, надеется, что Христос выполнит за него работу и устроит его жизнь. Христос не ведет нас обходными путями, Он живет в нас. Как сказал апостол Павел: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Может быть, следующая притча поможет вам понять это. Когда мой брат учился в колледже, он влюбился в одну девушку и намеревался жениться на ней по окончании учебы. И вот однажды холодной и темной субботней ночью, когда все вокруг окутал густой туман, он отправился в Лос-Анджелес повидать свою невесту. В сущности, у него не было никакой возмож-

ности преодолеть те семьдесят пять миль, которые отделяли его от Лос-Анджелеса, но он очень хотел увидеть ее и пошел пешком. Мой брат был страстно влюблен, и всем студентам, жившим с нами в общежитии, это было известно. Никому не пришло в голову, что он совсем потерял рассудок, раз отправился темной ночью к Глендэйл. Все считали его поступок вполне нормальным явлением. Казалось, ноги сами несли брата по дороге. Он шел, вытянув руку с поднятым вверх большим пальцем, пытаясь разогнать густой туман и остановить какую-нибудь машину, несмотря на то, что водители на могли даже разглядеть его руки. Он прилагал огромные усилия, чтобы добраться до Глендэйл, ибо его вела любовь. Она контролировала его действия и заставляла двигаться вперед. Было бы совершенно странным, если бы он в такой момент остался дома, положил ноги на стол и принялся читать книжку. Другими словами, несмотря на то, что он прилагал усилия, все его действия были естественным результатом любви. Любовь была сильнее преград, и потому он смело шел вперед — ночью, сквозь туман.

Нельзя сказать, что естественное послушание не требует от человека усилий. Стремиться больше к непокорности, нежели к послушанию, несомненно, проще, но и для этого требуются усилия.

Мой новый «фольксваген»

«И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4:2, 3).

В 1956 году мой брат «заболел фольксвагеном». Он купил заветный автомобиль и был от него в таком восторге, что «заразил» и меня. Небольшой расход топлива, обгоняет всех на дороге, ходит, как «кадиллак», — и так далее. Я тоже купил «фольксваген», о чем долго сожалел.

Через некоторое время после того, как я приобрел «фольксваген» с двигателем мощностью в тридцать шесть лошадиных сил, я стоял на перекрестке, ожидая, когда загорится зеленый свет. Неожиданно рядом со мной притормозил один из местных крутых парней из средней школы. Он несся на полной скорости, а двигатель его автомобиля обладал мощностью не

меньше, чем в четыре сотни лошадиных сил. Он был, что называется, «на колесах». Я тоже был «на колесах», однако позабыл о том, что «колеса» эти имели всего четыре цилиндра. Мы оба увеличили обороты, загорелся зеленый свет, и мы рванули через перекресток. К тому времени, как я переехал на другую сторону, мой соперник был уже у следующего светофора. У меня больше не было желания повторять этот трюк. Когда же в вашем распоряжении имеется лишняя сотня лошадиных сил под капотом, у вас всегда будет искушение их использовать. *И чем больше мощность вашего мотора, тем сильнее искушение!*

«Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр. 4:15, 16).

Кусок земли

«Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками» (Ин. 15:8).

Это история о куске земли, который мечтал стать садом. На самом деле история эта начинается с фермера, который приобрел участок земли за огромную цену. Затем он купил семена самого превосходного качества и, явившись на свой участок, посадил их.

Итак, участок земли возрадовался. Он всегда хотел быть садом и немедленно принялся за работу, чтобы сделать этот сад прекрасным и плодоносящим. Он принялся осматривать себя и, к сожалению, обнаружил, что покрыт большим количеством уродливых сорняков. Там были тернии, заросли чертополоха, кусты шиповника и ежевики. И участок земли, почувствовав стыд, задумался.

До того, как появился фермер, участок земли не обращал большого внимания на подобные вещи, и сорняки выполнили свою ужасную работу. Их корни

глубоко проникли в землю. «Какая польза может быть от семян при таком множестве сорняков? — размышлял участок. — Не секрет, что в саду следует устроить хорошую прополку, если вы хотите, чтобы из ваших семян что-нибудь выросло».

И участок приложил все силы к тому, чтобы избавиться от сорняков. Ему хотелось помочь фермеру, чтобы к тому времени, как он явится на участок, что должно было вскоре произойти, он застал не уродливый, заросший сорняками кусок земли, а чудесный ухоженный сад.

Участок боролся и делал все возможное; он действительно хотел избавиться от сорняков — весь вопрос был в том, как это сделать. А советы по прополке и борьбе с сорняками, казалось, были такими неопределенными и противоречивыми. Из одного источника участок земли узнал, что если уничтожить у сорняков стебли и листья, то фермер с удовольствием удалит и их корни. Но участок обнаружил, что он слишком слаб, чтобы уничтожить стебли и листья. Ему также говорили, что если участок земли выполнит свою часть работы, то фермер выполнит свою. Но, похоже было, что участок земли вообще не был способен сделать что-нибудь — он не мог прополоть себя сам. Ему частенько говорили, что нужно приложить все усилия, но он не имел представления о том, как этого добиться.

И поскольку со временем сорняки никуда не исчезали, все, кто окружал наш участок земли, да и сам он, засомневались: стоит ли ожидать того, что от сорняков удастся когда-либо избавиться.

Кто-то предположил, что если участок прекратит попытки избавиться от всех сорняков сразу, а сосредоточит свое внимание на одном, удаляя сорняки поочередно, то это принесет результаты. Но участок земли осознал, что не может избавиться даже и от одного сорняка.

Но когда ничего не выходило и наступало разочарование, наш герой снова рисовал в своем воображении сад и с еще большей силой принимался за борьбу с сорняками. Однако все попытки и усилия, которые прилагал участок в надежде избавиться от терниев и кустов шиповника, ничем не заканчивались.

В один прекрасный день участок земли был вынужден признать, что, полагаясь лишь на свои силы, он никогда не станет цветущим садом. В тот день, в тот самый день фермер явился на свой участок с удивительной вестью. Фермер появлялся здесь и раньше, но участок был так занят борьбой с сорняками, что даже не находил времени послушать его. Фермер сказал то, во что невозможно было поверить, что противоречило всему, когда-либо слышанному им об искусстве садоводства.

Вот что сказал фермер:

— Сад никогда не очистит себя от сорняков и не должен этого делать. Это работа садовника, которую он сам выполнит.

Кто и когда слышал о таком садовнике, который добровольно вызвался выполоть сорняки в своем саду? А что делать участку земли с его мечтой избавиться от сорняков своими силами до того, как фермер начнет работать на нем? Без сомнения, такое заявление фермера озадачило нашего героя, но оставалось лишь покориться или же расстаться с другой мечтой — превратиться в сад.

И тогда наш участок повиновался фермеру и позволил ему выполоть все сорняки. И первое, что вам следует знать, — это то, что все сорняки были удалены вместе с корнями. Исчезли не только листья и стебли, но все растения были вырваны с корнем и унесены подальше от участка земли. Сад принялся расти и цвести.

Прошло время. Теперь участок земли превратился в прекрасный сад, и он также позволяет садовнику

трудиться над ним. И сад продолжает выполнять свою работу. Он принимает в землю семена, которые бросает фермер, до самых своих глубин напityвается водой, которой он поливает его, и тянется к солнечному свету, который посылает его хозяин.

И растения в том саду растут все выше и выше, и посеянное когда-то семя приносит плод: «одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».

Боксерский поединок

«...Не ваша война, а Божия... Не вам сражаться на сей раз; вы станьте, стойте и смотрите на спасение Господне...» (2 Пар. 20:15, 17).

Я на ринге, перчатки натянуты, и я готов к бою. Мой тренер ожидает меня за канатами ринга. Я поднимаю глаза, и к ужасу своему обнаруживаю, что мой противник больше, чем я! Он весит все полторы тысячи фунтов и на двенадцать футов выше меня, у него скошенный лоб и складки кожи на подбородке. В конце концов, он выглядит слишком старым. Должно быть, ему около семи тысяч лет.

Звучит гонг. Мы бросаемся друг к другу. Но еще до того, как я успеваю сделать второй шаг, трехфутовая перчатка врежется мне в лицо, и я теряю сознание. В следующем раунде я уже действую с некоторой опаской. Я планирую новую стратегию атаки. Но вижу тот же самый огромный кулак и снова теряю сознание. Однако по какой-то странной причине я все еще сохраняю уверенность.

Мой тренер, стоящий за канатами, с тревогой смотрит на меня. Его лицо выглядит опечаленным. Всякий раз, как я стремлюсь в атаку, он порывается выйти на ринг, чтобы помочь мне. Но я в этом не нуждаюсь. В конце концов, кто-то когда-то говорил мне, что он — всего лишь сын плотника.

После тысячи раундов с моим противником я прихожу в уныние и подумываю о том, чтобы сдаться. В конечном итоге, я не так уж хорошо сражаюсь. А между тем я все лучше и лучше узнаю своего тренера, и оказывается, что и он когда-то участвовал в поединках. Он между делом вспоминает своих бывших тренеров. Среди них был пастух Авель, человек по имени Енох, кораблестроитель Ной, Авраам, Исаак и даже женщина по имени Сара. В этот перечень можно включить Иосифа, одного из правителей Египта, и пастуха Моисея, ставшего патриархом, Самуила, Давида и даже Павла. Этот список, с которым я где-то уже встречался, производит на меня большое впечатление!

На следующий день, отправляясь на бой, я замечаю, что мой тренер больше чем когда-либо стремится выйти на ринг. Поскольку мы проводим много времени вместе, наши отношения становятся все более дружескими. Он так и льнет к рингу, желая быть ближе ко мне. Он хотел бы вмешаться в ход поединка. И наконец, в один прекрасный день, когда мой противник, полный самоуверенности, одолевает меня, моя смелость исчезает. Я хочу бежать! Я устал от бесконечной борьбы! Я был побит уже почти две тысячи раз и потому с надеждой смотрю в сторону моего тренера. В мгновение ока он оказывается на ринге. Я вижу, как, оставляя позади канаты, идет вперед с видом победителя. И, к моему удивлению, противник, а попросту тяжеловесный трус, пятится в угол, побежденный собственным страхом. Бой окончен. Мой тренер принес

мне победу. И вскоре я осознаю, что его присутствие уже обрекает моего врага на поражение.

Теперь мы с тренером проводим много времени вместе. Я обнаружил, что он не только великолепный боец и победитель, но также учитель и утешитель.

Иисус выиграл поединок, Он добился победы за нас. Эта победа, одержанная на Голгофском кресте, все еще действенна. Она действенна в жизни каждого и всегда.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Будь моей женой
Будь моим Богом
Вы женаты?
Возвращаясь домой
Жаждающий Эд
Пир
Шесть лучших докторов
Почему я не играю на гитаре
Тайная молитва

Будь моей женой

Артур Л. Бейтс

«Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей...» (Мф. 19:5)

Я прошу тебя стать моей женой. Однако здесь есть некоторые условия. Во-первых, тебе необходимо усвоить, что я люблю свою мать больше, чем тебя. Я думаю, это вполне естественно, в особенности если учесть, что с нею я знаком намного дольше, чем с тобой.

Во-вторых, в критической ситуации, когда потребуется принять жизненно важное решение, я, разумеется, скорее спрошу совета у своего отца, нежели у тебя. Ты молода и не имеешь достаточного опыта, тогда как мой отец старше и, безусловно, мудрее тебя. Он возглавляет предприятие, работая в котором я сделал себе имя, поэтому, думаю, ты сумеешь понять мои чувства.

В-третьих, я оставляю за собой комнату в доме моих родителей, потому что планирую проводить там

большую часть времени. Члены моей семьи очень близки между собой, и я чувствую, что должен оберегать семейное единство так же, как это было прежде. Мои девять братьев и сестер очень много значат для меня, и я уверен, ты не станешь обижаться на то, что я провожу большую часть времени с ними. Я надеюсь, ты не будешь обижаться на то, что тебе придется сидеть дома одной.

В-четвертых, пару слов о моей собственности. Ты должна понять, что она принадлежит мне и только мне. Если ты принимаешь мое предложение, я хотел бы, чтобы ты подписала официальные документы, в которых отказываешься от любых посягательств на мои деньги или имущество. Я нахожу, что расставание с собственными деньгами — довольно болезненное мероприятие. Я убежден, что умная женщина, вроде тебя, всегда сумеет найти работу, чтобы поддержать себя.

Да, вот еще одна мелочь. Я не переношу чьих-либо слез или скорби, даже по причине болезни. Поэтому, когда мы поженимся, не ожидай от меня какого-либо сочувствия или внимания. Мне нужно хорошенько высыпаться, и я не желаю, чтобы ты беспокоила меня своими проблемами. Неси свой крест и не унывай.

Я хочу, чтобы ты стала моей женой, и в качестве таковой ты будешь нести полную ответственность за наших детей, за приготовление пищи и домашние обязанности, так чтобы я был достаточно свободен, чтобы все внимание уделять своей матери, отцу, братьям и сестрам, а также своей собственности и бизнесу.

Ты — прекрасная женщина, и я уверен, что иногда мы будем чудесно проводить время. Ну что, ты согласна? Если да, я тут же отправлюсь к маме, чтобы узнать, не возражает ли она. Если мы решим сыграть свадьбу, твоя семья возьмет на себя все расходы.

Будь моим Богом

«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

Я прошу тебя быть моим Богом. Однако здесь есть кое-какие условия. Во-первых, я хотел бы внести ясность: я люблю самого себя больше, чем Тебя. Моя семья и друзья много значат для меня, и я думаю, что это вполне естественно, в особенности если учесть, что с ними я знаком намного дольше, чем с Тобой.

Во-вторых, когда наступит критический момент в моей жизни и мне придется с ответственностью принимать какие-то важные решения, я, разумеется, скорее прислушаюсь к собственным желаниям, нежели к Твоим. Некоторые из Твоих идей кажутся мне чрезвычайно странными, и если я собираюсь сделать себе имя в бизнесе, которым занят сегодня, то не должен

быть связан по рукам и ногам Твоей системой ценностей. Я уверен, Ты поймешь мои чувства.

В-третьих, я заранее оговариваю, что сам распоряжаюсь своим свободным временем. Я чрезвычайно занят, и Ты не вправе ожидать, что я день за днем буду проводить время в общении с Тобой. А то время, которое останется после того, как я управлюсь с делами, я в первую очередь буду проводить с моей семьей и друзьями.

В-четвертых, пару слов о моей собственности. Ты должен понять, что она целиком и полностью принадлежит мне. Расставаться с деньгами для меня очень неприятно. Тебе принадлежат бесчисленные стада, что пасутся на тысяче холмов, так же как и подземные сокровища, и потому я не вижу оснований для того, чтобы Ты заявлял какие-либо права на мое имущество и деньги.

Ах, да, еще одно. Я не переношу чьих-либо слез или скорби, даже по причине болезни. Поэтому не ожидай от меня, что я стану принимать близко к сердцу Твои страдания. У меня нет никакого желания служить другим. Неси Свой крест и оставь меня в покое.

Однако же я все еще хочу, чтобы Ты был моим Богом. В качестве такового Ты берешь на себя всю ответственность за мое спасение, за то, чтобы наделять меня благословениями и отвечать на мои молитвы. Это даст мне возможность всецело уделять внимание себе, моей семье и друзьям, моей собственности и работе.

При всех вышеизложенных условиях мне будет приятно осознавать, что Ты — мой Бог. Я уверен, время от времени мы будем прекрасно проводить вместе часок-другой — может быть, по выходным, если я, конечно, не слишком устану. Согласен ли Ты? Если это так, то, пожалуйста, сразу же приступай к строительству моего большого небесного дома. И начинай приготовления к брачному пиру Агнца. Я планирую побывать на этом пиру, если, конечно, не буду чересчур занят.

Вы женаты?

«И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф. 24:12)

Несколько лет тому назад я влюбился в очаровательную девушку. Она жила в Сан-Франциско, а я — в Лос-Анджелесе. И вот настал день, когда мы решили пожениться. Я приехал в Сан-Франциско, где ее родители устроили свадьбу. И когда мы стояли перед священником, он спросил:

— Согласны ли вы? И я ответил: «Да».

Он спросил у моей невесты:

— Согласны ли вы?

И она ответила «Да».

И тогда он сказал:

— Объявляю вас...

После свадьбы она отправилась домой со своими родителями, а я вернулся в Лос-Анджелес. Пару лет спустя кто-то спросил меня:

— Вы женаты?

И я ответил: «Да».

— Но мы никогда не видели вашу жену.

— Я сам не видел ее целых два года.

— Но вы пишете ей письма?

— Нет.

— Звоните по телефону?

— Нет.

— И вы считаете, что вы женаты?

— Да, — сказал я. — Это так. У меня есть свидетельство о браке.

— Вам следует проверить его.

Существуют люди, которые сказали «да» и присоединились к церкви двадцать лет тому назад, однако с тех пор ничего так и не сделали. Мы считаем, что брак остается действительным до тех пор, пока живем в браке. И мы полагаем, спасение имеет силу до тех пор, пока мы живем как спасенные.

Возвращаясь домой

*«Но имею против тебя то, что ты
оставил первую любовь твою»
(Откр. 2:4)*

Однажды, давным-давно двое влюбленных решили пожениться. Супруг полагал, что его новобрачная — самое прекрасное и нежное создание из всех, что он когда-либо видел, а ей казалось, что ее муж — самый замечательный и привлекательный мужчина на свете. Их брак, подобно многим другим, начинался с больших надежд.

Каждое утро, отправляясь на работу, муж медлил, прощаясь с женой, а она стояла в дверях и махала ему вслед. Она не уходила в дом до тех пор, пока машина не скрывалась из виду. По вечерам жена поминутно смотрела в окошко и встречала его в дверях.

Но через некоторое время, муж, уходя на работу, лишь успевал выпивать чашку горячего кофе и пулей выскакивал за дверь. А она, бывало, к тому времени еще даже не просыпалась. Когда он возвращался домой поздно вечером, жена была настолько занята до-

машинными делами, что не замечала его прихода, а когда встречалась с ним, то с удивлением говорила: «Ах, ты уже дома? Я закончу через пару минут, и примусь за ужин». Их медовый месяц явно окончился.

И вот что вскоре произошло. Новобрачная, теперь уже просто жена, была занята шитьем, ожидая, что муж вот-вот придет, поскольку близился вечер. Наконец она закончила шить и стала готовить ужин. Но мужа все не было. Продав очень долго, она поужинала в одиночестве. Обеспокоенная отсутствием супруга, женщина долго сидела за столом, глядя в пустую тарелку. Прошло много времени, и она буквально заставила себя улечься спать на кушетке в гостиной, потому что муж так и не пришел домой в ту ночь.

Он явился вечером следующего дня, и жена еще с порога спросила:

— Где ты был?

В его ответе прозвучало удивление.

— О чем ты спрашиваешь? Не хочешь ли ты сказать, что я должен являться домой *каждую* ночь. Это — самая большая глупость, которую я только слышал в последние годы. Тысячи людей, состоящих в браке, проводят время порознь. Подумаешь, большое дело, если я снова не приду ночевать! Нам не следует так строго относиться к нашему браку. Прошлой ночью мне просто *не хотелось* идти домой. У меня нашлись дела поважнее. Ты же знаешь, я страшно загружен. И потом, чаще всего я прихожу домой ночевать. Разве этого не достаточно?

— Нет, этого не достаточно! — ответила жена и расплакалась.

— Ну же, успокойся, — сказал он несколько мягче. — У нас нормальный брак. *В основном* я ведь прихожу домой. Ты не должна расстраиваться из-за ночи-другой, которую мне захочется провести с кем-то из друзей. Я не собираюсь являться домой каждый ве-

чер только ради формального продолжения нашего брака. Я думаю, будет гораздо более здоровым и разумным время от времени нарушать привычки. Наш брак будет значительно более ярким.

И если вам интересно знать, чем оканчивается эта маленькая притча, позвольте мне вас уверить, что они уже больше никогда *не* жили счастливо!

Жаждающий Эд

«В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин. 7:37, 38).

Эду не здоровилось. Во рту у него пересохло, горло болело. Кожа была горячей, а губы потрескались. Короче говоря, у него уже почти не осталось сил. Даже при малейшем усилии он чувствовал слабость и головокружение. Несколько раз за день он ощущал себя таким измученным и обессиленным, что едва не валился с ног. Что бы ни происходило, все приводило его в уныние.

В один прекрасный день, когда Эдди отлеживался на нижней ступеньке крыльца, куда он только что упал, он принял решение: «Я не собираюсь оставаться таким до конца своих дней. Надо попытаться получить какую-нибудь помощь».

Он отправился к доктору Смиту. Доктор Смит внимательно выслушал описание всех симптомов и покачал головой.

— Эд, твоя проблема заключается в жажде. Это достаточно распространенный недуг. В последние годы, похоже, появляется все больше и больше жаждущих людей, ищущих помощи.

Эд почувствовал, что возвращается к жизни.

— Благодарю вас, доктор, — сказал он. — Что же мне с этим делать?

Доктор Смит откинулся на спинку стула.

— Итак, самое первое: попытайся понять, что тебя беспокоит больше всего. Пересохший рот, потрескавшиеся губы или еще что-то? Например, больше всего остального тебя беспокоят потрескавшиеся губы. Значит, начинай работать над губами. Посвяти этому все силы. После того, как они исцелятся, начинай работать над периодами головокружения. Не пытайся сделать все за один раз. Преодоление этих симптомов — процесс, требующий всей жизни. Собери волю в кулак. Сделай выбор. Прими решение работать над ними и будь верен ему.

— Благодарю вас, доктор Смит, — сказал Эд.

Но, вернувшись домой, он почувствовал себя озадаченным. «Мне следует узнать, как все это сделать в точности», — подумал он. Прошло несколько дней. Он снова и снова повторял: «Я сделал свой выбор. Я не желаю чувствовать головокружения, я не желаю испытывать головокружение», — и чувствовал, что голова его кружится сильнее, чем когда-либо. Тогда он снова отправился к врачу.

— Доктор Смит, я попытался сделать, как вы сказали, но может быть, я чего-то не понял. Я чувствую все ту же жажду, — печально сказал Эд.

— Ты действительно пытался? Сам знаешь, ты должен был посвятить этой задаче все свои силы, — сурово сказал доктор Смит.

— Ну, возможно, я не старался так сильно, как мог бы, — признался Эд. — Но есть ли еще что-то конкретное, что я мог бы сделать?

Доктор Смит улыбнулся.

— Думаю, есть. Наука открыла, что существует чрезвычайно тесная связь между здоровьем и физическими упражнениями. Почему бы тебе не делать две тысячи приседаний в день?

Эд снова отправился домой, но уже после семи приседаний потерял сознание и вынужден был провести остаток дня в постели. На следующее утро он позвонил доктору Смигу.

— Если ты не желаешь следовать моим рекомендациям, к чему терять время, снова обращаясь ко мне? — строго произнес доктор Смит.

— Но, доктор, нет ли еще другого способа? — настаивал Эд.

— Ну, — с сомнением отвечал доктор Смит, — иногда, в крайних случаях помогают клубы здоровья. Если ты не желаешь делать упражнения в одиночестве, может, тебе помогут занятия в группе.

Таким образом, Эд заплатил сто долларов, чтобы стать членом клуба, но на первой же тренировке он потерял сознание после четырех приседаний и со стыдом вернулся домой. Его жажда все не уменьшалась. И тогда он решил обратиться к другому доктору.

Доктор Джонс выслушал историю Эда и весело заявил:

— Эд, ну как же бедный доктор Смит не объяснил тебе этого? Я уверен, что он знает. Когда ты испытываешь жажду, тебе нужна вода.

— Вода? — спросил Эд, и в его глазах свернула надежда. — Это звучит обнадеживающе. И где я могу найти воду?

— Ее добывают из колодца. Поэтому я бы порекомендовал тебе взять лопату и вырыть себе колодец.

Эд с радостью отправился домой. Он нашел отличную лопату и принялся копать. Но, поработав несколько минут, он отключился. Очнувшись, он увидел над собой соседа.

— Что ты делаешь, Эд?

— Копаю колодец. Мне нужна вода.

— Как, разве ты не слышал? Колодец уже вырыт. Все, что тебе нужно, — это пойти и набрать воды. Владелец колодца бесплатно даст тебе столько воды, сколько требуется. Более того, Он гарантирует, что если ты будешь каждый день приходить и пить из Его колодца, то никогда больше не будешь испытывать жажду.

— В самом деле?

— Да, почему бы тебе не попробовать?

— Ну хорошо, — сказал Эд. — Но сначала я посоветуюсь со своим доктором.

И он, спотыкаясь, поплелся к доктору Джонсу и доложил ему новости. Доктор Джонс пожал ему руку.

— Я слышал об этом, Эд. Но я бы тебе это не советовал. Думаю, если ты выроешь свой собственный колодец, ты будешь ценить воду намного больше, чем если просто получал ее из чужих рук. Лучше продолжай копать. На Бога надейся, но и сам не плошай.

Эд вернулся к работе, но вскоре вынужден был признать, что умрет скорее, чем сумеет вырыть достаточно глубокий колодец. Дело в том, что за несколько дней он сумел выкопать всего лишь маленькую ямку — в три сантиметра глубиной. И всякий раз он терпел неудачу.

Таким образом, чувствуя себя совершенно беспомощным, он решил не пытаться выкопать свой колодец и пришел к Владельцу колодца со словами:

— Если Ты не дашь мне воды, я погибну.

Владелец колодца мягко сказал ему:

— Каждый, кто приходит к Моему колодцу, может получить столько воды, сколько нужно, чтобы утолить

жажду. Ты больше никогда не будешь испытывать недостатка в воде.

Эд принял в подарок воду из колодца, и в его организме сразу же стали происходить изменения: рот больше никогда не пересыхал, горло успокоилось. День за днем, всякий раз, как Эд возвращался к колодцу, чтобы напиться, симптомы болезни исчезали.

Теперь он ходит по окрестностям, возвещая каждому встречному благую весть о том, что вода дается даром.

Пир

«Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин. 6:35).

Проснувшись утром, я обнаружил рядом с постелью стол. Может быть, он стоял здесь и раньше, но я его никогда не замечал. А стол был весьма большой и так искусно украшенный, что я не мог понять, как можно было не обратить на него внимания.

Он просто ломился от яств. Здесь был домашний хлеб, и фрукты, и все, чего бы вы только ни пожелали. Честно говоря, это был самый замечательный стол из всех, что я когда-либо видел.

Я подошел к столу, чтобы получше рассмотреть его, и услышал приветствие. Высокий Человек, очевидно, Хозяин, радостно произнес:

— Садись и ешь. Хочешь, я укажу тебе твое место?

Я засомневался.

— Ну, я не уверен. Могу ли я сначала кое о чем спросить?

— Разумеется, — ответит Он.

— Кто устраивает этот пир? Я хочу сказать, кто его приготовил? Кто рассылал приглашения?

— «И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и жаляющий пусть берет воду жизни даром» (Откр. 22:17).

— Вы хотите сказать, что мне не придется платить?

— Это так.

— Я еще не достаточно голоден, чтобы завтракать, — сказал я, осознав предложение. — Не могли бы Вы завернуть мне пару бутербродов, чтобы я мог положить сверток в карман и съесть по дороге на работу? Это, без сомнения, сэкономит время.

Хозяин улыбнулся.

— Ты вскоре обнаружишь, что твой голод сильнее, чем ты думаешь, особенно в последнее время. С утра твой организм лучше всего подготовлен к тому, чтобы усваивать пищу. Если ты найдешь время для того, чтобы каждый день с утра съедать хороший завтрак, ты обнаружишь, что у тебя появилось больше сил для работы и твой труд станет гораздо более эффективным.

Я все еще раздумывал.

— Я знаю людей, которые начинают день с обильного завтрака, а потом съедают еще второй завтрак, затем обед и ужин. К этому они добавляют пару бутербродов между едой. В результате они едят целый день напролет и в конце концов едва могут двигаться.

— Это правда, — ответил Хозяин. — Те, кто ничего не делает, а только ест, вскоре пресытятся. Но верно также и то, что тем, кто вообще не ест, грозит смерть. Если ты каждый день будешь приходить к этому столу и съедать здоровую пищу, основу которой составляет Хлеб жизни, у тебя будет достаточно энергии, чтобы целый день работать в своем винограднике.

Ему почти удалось уговорить меня, но тут я заметил кое-что еще. На другом конце стола сидел проповед-

ник из моей церкви. Его тарелка была наполнена прекрасной едой и он, без всякого сомнения, с радостью поглощал ее.

— О, посмотрите! Это — пастор! — сказал я.

— Да, — подтвердил Хозяин. — Он приходит сюда каждое утро. Он исключительно сильно верит в пользу хорошего завтрака.

— О, но это же чудесно! — воскликнул я. — Это сэкономит *мне* массу времени, поскольку, понимаете, я каждую неделю хожу слушать его проповеди. И поскольку я знаю, что сам он питается правильно, я могу довериться ему. Он расскажет мне, на что похожа настоящая пища. Мне не нужно будет приходить сюда и тратить время на то, чтобы есть самому. Подумайте только, вот почему он так точно умеет описать еду! Должен вам сказать, что время от времени у меня просто слюнки текут.

— Это так. Передать приглашение на пир лучше всего сможет тот, кто сам пробовал пищу, — ответил Хозяин. — Но никто не может есть за другого. Если ты хочешь получить питание и силу, ты должен приходить и есть сам.

Тут я увидел еще одно знакомое лицо. Это был Х. М. С. Ричардс, он сидел в конце стола.

— Он что, тоже приходит сюда каждый день? — спросил я Хозяина.

— Да, он проводит здесь по несколько часов каждое утро.

— По несколько часов? — удивился я. — Тогда мне лучше не приходить. Потому что я знаю: у меня нет столько времени и не такой хороший аппетит, чтобы есть так долго.

— Ты можешь есть в соответствии со своими потребностями, а не потребностями кого-то другого, — ответил Хозяин. — Этот евангелист приходит к столу уже долгие годы. Он выполняет огромное количество

упражнений, и потому выработал в себе огромный аппетит. Но сегодня — твое первое утро. Может быть, ты начнешь с пары тонких хрустящих ломтиков хлеба и стакана сока. Но если ты будешь есть медленно и тщательно пережевывать пищу, то получишь необходимое питание. У тебя появится больше энергии, чем когда-либо раньше, и ты сможешь посвящать больше времени упражнениям. Ты будешь поражен тем, как быстро начнет возрастать твой аппетит — если ты, конечно, будешь уравнивать потребление пищи соответствующими физическими упражнениями.

— Думаю, Вы правы, — вздохнул я. — Но я очень занят. Я хочу так много сделать. Не будет ли довольно, если я просто стану думать о еде на протяжении всего дня?

Хозяин улыбнулся.

— Если ты не будешь нормально питаться, тебе не останется ничего другого, как целый день думать о еде! Но ты сам увидишь, что станешь работать более эффективно, если будешь съедать плотный завтрак, и тогда ты сможешь выполнять свою работу!

Я уже был готов попросить его указать мне место за столом, когда мне на ум пришла еще одна мысль.

— Эй, минуточку! Уж слишком все это похоже на законничество. К примеру, что будет, если я пропущу какой-то день? Это занятие, питаться каждый день, похоже, запросто может стать чем-то вроде ежедневной рабочей командировки или превратиться в пустую формальность. Не хотите же вы, чтобы я приходил сюда, на Ваш пир просто по привычке, не правда ли?

— Я не могу представить другую «привычку», которая принесет тебе больше здоровья, чем эта, — ответил мой Хозяин. — Но ты упустил самое главное. Я нахожусь здесь изо дня в день, ожидая тебя, чтобы накормить, чтобы поделиться с тобой всеми щедротами, приготовленными для тебя. Я здесь, здесь же и пир-

шественный стол, за которым для тебя есть место. Когда ты наконец поймешь, как важно есть, чтобы жить и расти, и осознаешь, насколько от этого зависит твое будущее, для чего тебе нужно будет проходить мимо стола? Пища дается даром, она приготовлена для тебя. Разве ты когда-нибудь пожелаешь остаться в стороне?

Затем Он взял меня за руку и отвел к моему месту за столом. Он наполнил мою тарелку виноградом и вишнями, клубникой и вафлями... Но погодите! Я рассказываю вам о *своем* завтраке. Возможно, вы предпочитаете что-то другое. Почему бы вам не прийти на пир, чтобы есть самим?

Шесть лучших докторов

Некто написал это маленькое стихотворение о том, какие шесть средств помогают добиться хорошего здоровья.

*Врачей на свете лучше нет —
И вряд ли кто поставит под сомнение это, —
Чем свежий воздух, труд и солнца свет,
Покой, вода, здоровая диета.*

Англичанин, написавший эти стихи, очевидно, упустил из виду воздержание и веру в Божественную силу, и потому — прошу меня простить — я добавил к четверостишию еще две строчки:

*И против похотливости
лекарство есть помимо веры —
Воздержанность,
или сказать иначе, чувство меры.*

Вы, разумеется, понимаете, почему я приношу свои извинения, но сегодня мы нуждаемся в этих восьми простых средствах, сохраняющих также и доброе духовное здоровье.

Почему я не играю на гитаре

Лу Венден

*«И взыщете Меня и найдете,
если взыщете Меня всем серд-
цем вашим» (Иер. 29:13).*

Долгое время я мечтал научиться играть на гитаре. Наверное, впервые мне захотелось этого лет в девять. Помню, отец рассказывал о моем дедушке, парне из Норвегии, у которого была гитара, и о том, как он на ней играл. К тому времени мой отец не так уж часто играл на гитаре, но зато играл мой дядя Дэн. Время от времени, по вечерам в субботу, мы все собирались в доме дяди Дэна вместе с тремя кузинами, которые были для нас с братом, словно родные сестры, и прекрасно проводили время. Иногда нам удавалось уговорить дядю Дэна сыграть на гитаре и спеть нам. Мне нравилось, как его пальцы трогали струны. И он пел такие грустные песни...

Итак, вы понимаете, что я очень хотел, долгие годы по-настоящему хотел научиться играть на гитаре.

Когда мы в 1945 году переехали из Мичигана в Калифорнию, у меня в школе появился приятель, который продавал гитару. Надо сказать, что я не очень разбирался в гитарах, но у него был «мартин». Те из вас, кто хоть немного разбирается в гитарах, знают, что «мартин» — очень хорошая фирма. И он продавал эту гитару за двадцать пять долларов. Ну и я подумал, что если он согласится брать деньги частями, я, наверное, смогу «разориться» на эту покупку. Я стал выплачивать ему по пять долларов в месяц и через некоторое время купил гитару.

Я знал, что мне понадобится еще кое-что, и потому отправился в ближайший музыкальный магазин и приобрел несколько самоучителей и ноты. Я помню, как принес домой эти книги. Одна из них называлась «Как быстро и легко стать гитаристом». «Это по мне, — подумал я. — Мне как раз и нужно то, что можно сделать быстро и легко». Я хотел немедленно научиться играть на гитаре.

Однако же, сумев выучить три или четыре аккорда, я вскоре обнаружил, что, зная их, вы уже можете петь под аккомпанемент некоторые песенки. Таким образом, тем летом я вечно сидел где-нибудь, наигрывая свои три-четыре аккорда и распевая песни. Я не знаю, насколько они походили на ту грустную музыку, которая привлекала меня. Как говорит в таких случаях моя жена, я чуть было ни застрелился от счастья. Я испытывал радостный трепет от того, что у меня есть гитара и я знаю несколько аккордов. И я хотел добиться прогресса и выучить больше. Некоторое время я пытался продвинуться вперед, но не достиг значительных успехов. Тогда я подумал: «Хорошо, я сделаю это позже», и продолжал гордиться своими тремя-четырьмя аккордами.

Это было все, чего я достиг к тому времени, когда пришла пора поступать в колледж. Я решил, что луч-

ше будет взять гитару с собой, поскольку, как я уже говорил и как вы могли понять и убедиться, я по-настоящему хотел научиться играть на гитаре и надеялся, что колледж мне в этом очень поможет.

Я поступил в колледж и очень быстро и легко наикнулся на кружок студентов, которые играли на гитаре. Они играли по-настоящему! Когда я смотрел на этих ребят, у меня просто сердце разрывалось! «Я должен научиться играть на гитаре!» Но как раз в то время Бастер Лу, парень с Гавайев, зайдя ко мне в комнату, обнаружил в углу мою гитару.

— Лу, ты не будешь возражать, если я попробую твой инструмент? — спросил он.

Он взял гитару, и должен вам сказать, что стоило ему коснуться струн, и она зазвучала так, как никогда раньше, с тех пор, как я ею владел. Бастер вновь спросил:

— Не будешь возражать, если я возьму ее на время?

— Ну, это же замечательно, если на моей гитаре будет играть такой великий музыкант, — ответил я.

Итак, Бастер забрал ее на время. Через четыре года, закончив колледж, он принес ее мне, и я почувствовал гордость. Я гордился тем, что моя гитара участвовала в нескольких отличных музыкальных программах, в концертах, проходивших в колледже. Я мог взглянуть на любого собеседника и заметить: «Вон та гитара — моя». На самом деле я не добился никакого прогресса, однако все еще, без сомнения, хотел научиться играть.

Итак, я начал служение в северной Калифорнии. Да, в то время у меня всегда было много дел. В нашей церкви была маленькая девочка, семья которой по какой-то причине потеряла все свое состояние. А она очень хотела научиться играть на гитаре. Я подумал о том, как мало я преуспел, и отдал ей свою гитару. Мне было немного жаль расставаться с ней, но — что сделано, то сделано. На некоторое время моим занятиям

музыкой пришел конец. Так продолжалось до 1968 года. В тот год я отправился в семинарию, чтобы начать новую главу в своей жизни: я стал преподавателем. Жизнь засияла новыми красками, и я вспомнил о своей давней мечте — научиться играть на гитаре. И тогда я купил новый музыкальный инструмент в ближайшем магазине и с радостью подумал: «Теперь я действительно возьмусь за дело всерьез». И вновь гитара оказала на мою жизнь сильнейшее влияние.

Джим Аерс, певший в ансамбле «Провозвестники», к тому же чудесно играл на семиструнной гитаре. Я слышал его на нескольких концертах и потому отправился к нему и сказал:

— Джим, вот уже много-много лет я мечтаю научиться играть на гитаре. Не мог бы ты помочь мне в этом?

Джим согласился. Выяснилось, что среди его знакомых есть еще один парень, который мечтает о том же, таким образом мы стали встречаться с Джимом раз в неделю прямо в семинарии. Джим достаточно серьезно отнесся к своим обязанностям. Он собрал для нас кое-какие материалы. Я изучил их, купил несколько новых самоучителей и приготовился в самом деле заниматься.

И вот я пришел на первый урок. Я был в восторге и говорил себе: «Я наконец-то собираюсь учиться — прямо сейчас! У меня есть преподаватель, который очень хорошо знает, как играть на гитаре, и мы начинаем!» Этот урок принес мне настоящую радость. Джим продемонстрировал, как и что он умеет делать, и немножко помог мне, показав, как следует держать пальцы на деке и прочие подобные вещи.

А потом наступил понедельник. Я чуть ли не с ненавистью подумал о том, что мне пора идти на урок, поскольку боялся, что Джим попросит меня показать, чему я научился в прошлый раз. То, что делал он сам,

или нечто вроде этого, вы понимаете. Ну и, в общем, я решил, что лучше хорошенько попрактикуюсь к следующему разу. Я был загружен работой до предела, сами понимаете. Но, Боже, как мне хотелось научиться играть на гитаре!

Когда прошло три или четыре урока, Джим пристально посмотрел на меня и сказал:

— Лу, я больше не могу брать с тебя деньги. От этих занятий нет никакого толка.

Ну да, это прямо-таки разбило мое сердце. Я хотел платить ему, и он мог пользоваться этими деньгами, и все было бы нормально, но он чувствовал себя так, словно обманывает меня. Что-то пошло не так. Я пытался понять, что. Я пробовал сформулировать, в чем моя ошибка. И я страшно переживал, потому что хотел научиться играть на гитаре.

А теперь я хочу задать вам один вопрос: «Если я так сильно хотел научиться играть на гитаре, почему же я не смог? Почему именно я не смог?» Вы сами знаете ответ. Ну разумеется, вы его знаете. Я не научился играть, потому что занимался этим делом весьма поверхностно. Много лет я мечтал научиться играть, но только ходил вокруг да около. Вот и все.

Как бы вы ни хотели сделать что-то, у вас ничего не получится, если вы не заплатили за свое желание дисциплиной, временем и потраченными усилиями. В таком случае вы останетесь просто любителем. И, может быть, причина, по которой вы испытываете затруднения в своей духовной жизни и в отношениях с Богом... заключается в том же самом, из-за чего я не умею играть на гитаре.

Вот так: трагедия заключается в том, что вы так и останетесь «любителем» в деле, касающемся вашей вечной участи. Не так ли?

Мы не раз слышали, что многие из тех, кто желает спастись, погибнут. Они просто хотят научиться иг-

рать на гитаре. Они надеются и желают, но тщетно! Почему? Дело в том, что они просто «балуются» духовностью.

Если остановиться и хорошенько подумать, каждый из нас живет духовной жизнью. Знаете ли вы об этом? Каждый из нас предан чему-либо, а это и есть духовная жизнь. К примеру, у меня есть друг, глаза которого загораются, словно неоновая лампа, стоит ему заполучить вас с газетой под мышкой. Ему так хочется увидеть эту газету. Он жаждет просмотреть одну из ее колонок и узнать результаты матчей разных спортивных команд. Он знает всех лучших игроков, их рейтинги. Ему нравится все это. И понимаете, найти на это время для него — не проблема. Он никогда не скажет: «О Боже, мне придется провести еще полчаса, читая спортивную страничку». Нет, для него это сама жизнь.

У меня есть еще один друг, который поражает меня даже больше первого. Когда я появляюсь на горизонте с газетой, он спрашивает меня о той ее части, которая, насколько я могу понять, по праву считается самой скучной. Это та часть газеты, которая набрана самым мелким шрифтом, какой только можно себе представить. Все слова сокращены до аббревиатур, а текст пестрит номерами с плюсами и минусами и тому подобной ерундой. Как он вообще может находить что-то интересное в том, чтобы перелистывать страницу за страницей, изучая репортажи с фондового рынка? Я этого понять не могу. И тем не менее он просматривает свои аббревиатуры так, что становится ясно — они представляют для него определенный интерес. Во мне родилось подозрение, что он вложил деньги в некоторые из этих компаний. Но не стоит обманываться. Он просто живет духовной жизнью. Он посвящает свое время — ревностно, добровольно и охотно — тому предмету, к которому стремится его сердце.

Есть еще один подросток, увлекающийся рок-музыкой. Вы можете услышать, как он идет по улице со своим «реактивным» магнитофоном, сотрясая всю округу звуком в миллион децибел. Что происходит? Человек живет духовной жизнью. Он посвящает ей себя!

А как насчет женщины, которая ежедневно проводит перед телевизором четыре часа, поглощая «мыльные оперы»? Она не может понять, на что уходит время. Она не говорит: «О Боже, снова придется смотреть эти “мыльные оперы”. Я просто ненавижу их, у меня от них в голове мутится». Нет, она предана им. Это ее духовная жизнь. Если бы она проводила четыре часа за чтением Библии, окружающие стали бы беспокоиться о ее душевном здоровье и решили бы, что она нуждается в лечении!

Примите это как факт, друзья мои. У каждого есть духовная жизнь! И у вас тоже. В чем заключается ваша жизнь?

«Научи нас так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое» (Пс. 89:12).

Тайная молитва

Кеннет Р. Уинн

«[Иисус] сказал им: что вы спите?
встаньте и молитесь, чтобы не
впасть в искушение» (Лк. 22:46).

*Чей-то шепот в тишине раздался:
«Скоро пять, тебе пора вставать...»
Разум мой спросонья заметался:
Поднимусь? Или еще поспать?*

*Спать — еще немножко отдохнуть.
А молиться — силы почерпнуть.
Я измучен, может быть, посплю...
Но тогда я сил не накоплю.*

*Искуситель: «Помолись в постели,
Нет нужды вставать ведь, в самом деле».
Я совет послушно исполнял,
Но, проснувшись, понял, что я спал...*

*Лишился я благословенья,
И грех рванулся в наступленье.
Я должен срочно встать с постели,
Чтоб сила пробудилась в теле.*

*Один лишь Бог мне может силу дать,
Чтобы истинным христианином стать.
Он может дать мне силы впрок,
Пока не заалел восток.*

*Тебе, мой друг, быть может, час, другой
Дарован, чтобы силы черпать в Боге.
Но я уверен сердцем и душой:
Чтобы шагать по истинной дороге,*

*Я должен встать, смирив душевный ропот,
Как только вновь заслышу этот шепот.*

РОСТ

Параолимпийские игры
Что тут написано, папа?
Кривой саженец

Параолимпийские игры

Джей Дэвис

«Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (Евр. 12:1, 2).

В наши дни люди проявляют огромный интерес и с восторгом относятся к Олимпийским играм. Год от года растет поддержка движению, которое называется «Параолимпийские игры». Это программа, дающая возможность бороться и наслаждаться радостью победы инвалидам, людям, судьба которых особенно трудна. Это возможность добежать, отдавая последние силы, до любимого друга, который на финишной пря-

мой кричит тебе слова ободрения, продолжать борьбу, невзирая на то, что ты выглядишь неловко или неуклюже. Каждый, кто приходит к финишу, — победитель, он или она заслужили свои призы, дружеские объятия и славу.

Всякий раз, как я свидетельствую о Боге на одном из таких состязаний, я от волнения теряю голос. Потому что, понимаете ли, я тоже калека. У меня врожденный порок — я рожден грешником. И на финишной прямой жизненных состязаний, в которых я участвую, простирает ко мне руки и зовет мой любимый Отец, Который любит меня. Почему? Этого я не понимаю. Я неуклюж, неловок, и мои руки и ноги не слушаются меня. Стоит мне отвернуться от Него, как я тут же спотыкаюсь. Я сбиваюсь с курса. И я падаю — устыдившись и в смятении. Но рядом со мной бежит по дорожке мой старший Брат, Который поднимает меня и порой даже несет меня на руках.

На этих состязаниях постоянно присутствует и мой противник, который приходит в восторг, жестоко критикуя меня. Он все время окликает меня и говорит, что бежать нет смысла, что мой Отец, глядя на мое выступление, испытывает отвращение и я просто обманываю себя и ничего не получу в результате.

Однако стоит мне взглянуть на своего любящего Отца, Который все еще здесь, Который всегда здесь, и я вижу, как Он протягивает мне руки.

— Но я же опозорил тебя! — кричу я.

И Он произносит в ответ:

— Вставай! Двигайся вперед. Я люблю тебя. Иди ко мне.

И чем дольше продолжаются состязания, тем больше Он притягивает мое внимание. Безумие борьбы становится слабее, и я все более ясно могу видеть Его лицо. Он *хочет*, чтобы я достиг финиша. А Его Сын не позволит мне упасть. Да, это, похоже, славное состяза-

ние, потому что Он все еще простирает ко мне руки и зовет, и я продолжаю двигаться, даже если и спотыкаюсь в пути.

Я также начинаю понимать, что и другие участники этого особого марафона — все, как и я, с врожденными дефектами, — вовсе не являются моими соперниками. Они, так же, как и я, бегут к своему возлюбленному Отцу, борются за возможность прийти к финишу, потому что каждый, достигший финиша, — победитель. И недалек тот день, когда каждый из нас, спотыкаясь, неуклюже пересечет финишную прямую и, пошатнувшись, упадет в Его долгожданные объятия. Он соберет нас вокруг Себя и обнимет. И мы будем знать, что мы — победители, и будем знать, почему: потому что Он продолжал звать нас, и мы шли к Нему. И, что самое главное, все мы станем победителями потому, что Он был с нами. Он любит нас. Он по-настоящему нас любит.

Что тут написано, папа?

«Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему» (1 Ин. 3:2).

Один из моих друзей много путешествует, и его четырехлетняя дочка как-то раз решила, что научилась писать, пока ее отец был в отъезде. И вот когда отец в очередной раз вернулся из поездки, она встретила его в дверях с прекрасной новостью: «Я научилась писать, папа!»

Как и все хорошие отцы, он посмотрел на ее изрисованный каракулями листок бумаги и сказал:

— Ты действительно научилась писать. Посмотри-ка! Разве это не чудесно! Как красиво!

Он так старался, расхваливая «почерк» своей дочери, что та сделала большие глаза и спросила:

— Но что тут написано, папа?

Папу неожиданно бросило в жар, а потом в холод. Он не знал, что сказать или сделать, глядя на те кара-

кули, которыми была исчеркана страничка. И тут его осенило:

— Тут написано, что ты — четырехлетняя девочка.

— Тут написано, что ты действительно хочешь научиться писать.

— Тут написано, что ты очень стараешься научиться.

— Тут написано, что ты хотела поделиться своими успехами с папой.

— Тут написано, что в один прекрасный день ты вырастешь и станешь большой девочкой.

— Тут написано, что в один прекрасный день ты и в самом деле научишься хорошо писать.

Ее глаза распахнулись еще шире, и она спросила:

— Это и в самом деле написано здесь, папа?

Да, конечно же, да!

Кривой саженец

«И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет» (Пс. 1:3).

«И назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его» (Ис. 61:3).

Эверетт нахмурился, оглядывая ряды саженцев в питомнике, где он работал помощником садовода. Один из саженцев, прямоком посредине ряда, вырос кривым. Он клонился на сторону, и его ветки почти касались земли. Питомник имел высокую репутацию и всегда поставлял продукцию высшего качества, а судя по тому, как кривился этот саженец, его никак нельзя было считать подходящим материалом. Эверетт знал это.

Если он и дальше будет расти криво и клониться на сторону, садовник в один прекрасный день это заметит и отдаст приказ выкопать его и убрать с глаз долой. Такова была политика в питомнике, и для нее были основания.

Саженцы были посажены довольно тесно. Одно искривленное растение могло повлиять на множество других, растущих рядом. Если это случится, садовнику, когда он появится, придется убирать целый участок посадки.

Кроме того, следовало учитывать, что земли в питомнике было не так уж много. А значит, в почву, которую сейчас занимает искривленный саженец, можно будет посадить хороший экземпляр.

Но Эверетту становилось не по себе при мысли о том, что этот саженец выкопают и уберут из питомника. И тогда он решил сделать что-нибудь, чтобы предотвратить такое развитие событий.

Эверетт был прилежным работником. Он прочел о деревьях и об их выращивании больше, чем кто-либо в округе. И потому он поспешил к себе в комнату и нашел в книгах несколько самых лучших описаний безупречных саженцев. Затем он помчался обратно к саженцу и остановился прямо перед ним.

— Саженец должен быть прямым, а его ветви должны аккуратно расходиться в стороны, — громко читал Эверетт. — Это из «Пособия для садоводов», страница 94.

Саженец продолжал клониться на сторону, а его ветки поникли к земле.

Тем не менее Эверетт продолжал:

— На странице 351 той же книги сказано: «Ветви не должны свисать или прогибаться, в противном случае дерево не может быть классифицировано как безупречное».

Саженец даже не пошевелился.

Эверетт помахал перед ним книгой, чтобы привлечь внимание.

— Я прочел на странице 177 «Свидетельств для деревьев и кустарников», что если саженец плохо принялся, это можно исправить только твердой решимостью. Тебе действительно следует сильнее стараться расти прямо.

Саженец не двигался.

Однако Эверетт не собирался так легко сдаваться. Каждый день в течение целого месяца он задерживался возле саженца, чтобы прочесть ему какие-нибудь новые цитаты. Он читал ему, как прекрасно стать большим деревом, приносить плоды, как здорово будет, когда на него станут карабкаться мальчишки, а оно будет давать густую тень. Он пытался напугать саженец живыми описаниями огня, в который в конечном итоге бросают выкорчеванные саженцы. Но все было напрасно. Наконец, Эверетт сдался.

А саженец тем временем искривился даже еще больше, а его ветки уже коснулись земли.

Джон также был помощником садовода, и в один прекрасный день он случайно заметил искривленный саженец. Он осмотрел деревце со всех сторон и сказал себе: «Этот саженец искривлен. Мне следует пойти к садовнику и рассказать ему об этом. Таким образом, я не буду в ответе за присутствие этого саженца в питомнике».

Он направился было напрямиком в кабинет садовника, но затем остановился. Он не мог в точности сказать, почему. Это, конечно, правда, что питомник предназначен только для прямых саженцев. А этот саженец искривлен — в этом тоже нет сомнений. Джон знал, что он прав, но ему все равно было нелегко.

Затем его осенила великолепная мысль. Он напишет письмо садовнику. Это решит все проблемы. Он не собирается его подписывать. Таким образом, он напишет анонимное письмо, в котором расскажет о том, где помещается искривленный саженец и как сильно он согнут и деформирован.

Однако садовник имел смутное представление об анонимках, и когда увидел письмо без подписи, то просто выбросил его, даже не потрудившись прочитать. А тем временем ветви саженца стали сплетаться и стелиться по земле.

Ричард работал в том же питомнике, и он тоже заметил искривленный саженец. Ричард был убежден, что все на свете — не его ума дело. «Живи сам и давай жить другим», — такова была его идеология. И потому он вообще ничего не стал делать. Время от времени кто-нибудь из других помощников заговаривал с Ричардом о состоянии искривленного саженца, но он только пожимал плечами и говорил:

— Не впутывайте меня, ребята. Все саженцы разные, вы же знаете. Это не мое дело.

И он шел своей дорогой и благодарил Небо за то, что научился быть терпимым.

А саженец тем временем склонился еще ниже, а его ветви сплелись еще сильнее.

Затем в один прекрасный день в питомнике появился новая работница. Ее звали Андреа. Она проводила много времени, читая руководства по выращиванию деревьев, к тому же, по счастливой случайности, Андреа была близким другом Автора этих книг.

Наблюдая за тем, как трудится Автор, она усвоила множество Его приемов. Она знала, что Автор очень любит деревья. Кроме того, она знала, что многие из самых прекрасных деревьев в собственном саду Автора выросли из тех, саженцев которые любой другой человек пустил бы на растопку.

За долгие годы работы с Автором Андреа во многом усвоила Его привычку быть терпеливым в работе с деревьями. Она знала, что проходит немало времени, прежде чем дерево согнется, и что оно не может снова распрямиться в одночасье. Она разделяла взгляды Автора, Который полагал, что даже если саженец не реагирует на всю заботу, которой окружает его садовник, единственным, кто может справедливо оценить его состояние и принять решение насчет выкорчевки, будет тот, кто любит его и трудится над ним, пытаясь спасти.

Андреа знала: если она попытается изменить дерево и предпримет для этого крайние меры, она не столько сбережет время, сколько повредит ветви.

Заметив искривленный саженец, она задумалась. Она подошла поближе, чтобы рассмотреть его. Месяцы пренебрежения сделали свое дело. Саженец был совсем кривым. И тогда Андреа принялась за работу.

Она не стала много говорить, а просто проводила с саженцем много времени. Она окапывала его корни, подняла с земли опущенные ветви и поставила подпорки. Она также протянула веревку от ближайшего колышка к искривленному стволу саженца, чтобы он получил дополнительную поддержку.

Поначалу саженец сопротивлялся, однако Андреа не пыталась применять силу. Она просто всегда была рядом, лишний раз приносила воду или удобрения, рыхлила почву, поднимала и подпирала ветви. Для всех в питомнике стало привычным зрелищем, что Андреа находится рядом с искривленным саженцем, осторожно работая над ним.

Прошли недели и месяцы, а они промчались почти незаметно, и саженец начал меняться. Он теперь рос несколько более прямо, а его ветви поднимались все выше и выше. И в конце концов Андреа убрала веревку, а саженец продолжал стоять прямо, как и любое другое дерево в питомнике.

И когда деревце пересаживали, никто даже и не подозревал, что когда-то оно было кривым.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЯ

Иорданская консультация
Спасение утопающих
По дороге в колледж

Иорданская консультация

«Потому что премудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» [1 Кор. 1:25, 26].

*Иисусу, сыну Иосифа
«Изделия из дерева», лавка плотника
Назарет*

Дорогой сэр.

Благодарим Вас за предоставление кратких биографий тех двенадцати человек, которых Вы отобрали на руководящие роли в Вашей новой организации. Все они прошли полное тестирование в нашей фирме, и мы не только обработали результаты тестов на компьютере, но также организовали для каждого из них собеседование с нашим психологом и консультантом по вопросам профессиональной пригодности.

Краткие выдержки из тестов прилагаются, чтобы Вы могли тщательно их изучить.

Для вашего руководства и как часть нашей работы мы составили некоторые общие комментарии, которые аудитор включил в общее заключение. Это заключение представляет собой результат персональных консультаций и не требует дополнительной оплаты.

Заключение нашего агентства следующее: большинство Ваших номинантов имеют недостаток опыта, образования и профессиональных навыков, чтобы выполнять работу, для которой вы их предназначили. У них отсутствует командный дух. Мы бы рекомендовали Вам продолжить поиск опытных людей с административными талантами и подтвержденными способностями.

Симон Петр эмоционально нестабилен и подвержен приступам гнева. Андрей абсолютно лишен задатков лидера. Двое братьев, Иаков и Иоанн, сыновья Заведеевы, ставят личные интересы выше интересов коллектива. Фома демонстрирует склонность к сомнениям, которая имеет тенденцию подрывать устои морали. Мы считаем своим долгом сообщить Вам, что Матфей был внесен «Верховным иерусалимским бюро улучшения бизнеса» в черный список. Иаков, сын Алфеев, и Фаддей, без сомнения, имеют склонность к радикализму; оба показали высокие баллы по маниакально-депрессивной шкале.

Однако же один из кандидатов продемонстрировал высокий потенциал. Это человек больших способностей, предприимчивый, доброжелательный, имеющий деловую хватку и контакты с высшими учреждениями. Он высокоорганизован, честолюбив и ответственен. Мы рекомендуем Иуду Искарота в качестве вашего контролера и доверенного лица. Выдержки из тестов остальных говорят сами за себя.

Желаем Вам всяческих успехов в Вашем новом рискованном предприятии.

С уважением,

Консультанты «Иордан менеджмент».

Спасение утопающих

«Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам» (Рим. 1:14, 15).

Фред трудился спасателем на одном из озер. Большую часть времени он был счастлив. Работал он с удовольствием. Ему нравилось находиться рядом с водой, он превосходно плавал и был очень хорошим инструктором по плаванию. В «Школе спасения утопающих» он учился довольно-таки неплохо и серьезно относился к своим обязанностям.

Но в тот день, глядя на озеро, Фред хмурил брови. К нему присоединились двое других спасателей.

— Эй, Фред, ты чего такой мрачный? — спросил Джонатан.

— Судя по твоему виду, у тебя была тяжелая неделя, — добавил Берт.

Фред вздохнул.

— Это из-за мистера Сатерса. Я за него тревожусь. На этой неделе он снова чуть не утонул. Он просто не может научиться плавать. Я этого не понимаю.

Джон и Берт обменялись взглядами.

— Я... гм... мы обратили внимание, что ты постоянно спасаешь его, — заметил Берт.

Джон кивнул.

— Все выглядит так, словно он никогда не посещал уроки плавания.

Фред снова вздохнул.

— Я знаю, знаю. Но он почему-то никак не может научиться плавать там, где глубоко. Я уверен, он знает некоторые движения, потому что наблюдал за ним, когда он возился на мелководье. Но стоит ему оказаться на глубине, он или не может, или не хочет...

Джон покачал головой.

— Фред, ты слишком серьезно относишься к работе. Помнишь, о чем нам говорили на занятиях по спасению утопающих?

Фред припомнил. Еще до того, как Джон повторил эту фразу, Фред вспомнил ее. Она казалась такой логичной, когда учитель произносил: «Запомните одну вещь: вы не можете спасти всех утопающих».

Поначалу Фред думал, что речь идет о тех, кто просто отказывается посещать уроки плавания. Многие из таких людей, оказавшись в воде после того, как их лодки перевернутся, будут сопротивляться всяким попыткам спасти их. Это, конечно, печально, но что может поделать спасатель?

Учитель продолжал: «Вам встретятся люди определенного типа, которые будут посещать все уроки плавания, какие только есть, и задавать вопросы; они даже, без сомнения, будут пытаться научиться плавать — но никогда этому не научатся. Они регулярно будут попадать на глубину и ожидать, чтобы их спасли. Правду сказать, в моей практике попадались люди, которые *хотели*, чтобы их спасали один-два раза в неделю. И так продолжалось все лето.

Теперь вы знаете, что у спасателей работы хватает. Они должны не только готовиться к урокам плавания, но и учиться сами. На них также возложена обязанность привлечения большего количества пловцов, и

кроме того, они должны находить время поплавать, чтобы сохранить форму.

Не попадайтесь в ловушку, не позволяйте кому-либо зависеть от вас, очутившись на глубине. Это не принесет добра ни вам, ни им. Некоторые люди никогда не научатся плавать сами, если будут думать, что вы в любой момент готовы их спасти».

Учитель продолжил лекцию. Она была долгой. Но именно этот пункт он особенно старался вбить им в головы.

— Боюсь, ты позволил своим ученикам полностью полагаться на тебя, Фред, — сказал Берт. — Посмотри на меня: я взял себе за правило никогда не спасать одного и того же человека более двух раз. Если он к тому времени не смог научиться, он, судя по всему, никогда уже не научится, а у меня есть и другие обязанности. Я должен быть доступен тем, кто по-настоящему во мне нуждается.

— Берт прав, — поддержал друга Джон. — А что если какой-нибудь новичок в плавании, которого еще ни разу не спасали, решит записаться на курсы для начинающих, а ты в это время будешь в двенадцатый раз спасать какого-то пижона? Вряд ли это будет честно, не так ли?

— Но ты хочешь сказать, что нужно просто позволить им?... — Фред даже не мог произнести это слово.

— Позволь им плыть или тонуть, — бодро заявил Джон. — Некоторых по-другому и не научишь.

— Но что, если они и вправду... ну... *утонут*? — Фред наконец высказал вслух свои сомнения.

— Но ведь у них есть шанс, не правда ли? Разве ты не давал им уроков плавания?

И Берт с Джоном ушли.

Фред остался один. Повесив голову, он размышлял об услышанном.

В тот же вечер мистер Сатерс снова забрался на глубину.

— Помогите! На помощь! — закричал он, едва осознав, что тонет.

Фред немедленно вскочил со своего кресла спасателя. И тут он вспомнил: «Это не принесет добра ни вам, ни им». Он медленно двинулся вплавь и, достигнув места, где барахтался мистер Сатерс, остановился, работая ногами в воде.

— Мистер Сатерс, я уже сообщил вам все, что знаю о плавании.

Мистер Сатерс пошел ко дну, а потом вынырнул, отплевываясь и кашляя.

— Вам не приносит пользы то, что вы полагаетесь на меня. Я не могу постоянно быть рядом, чтобы спасти вас.

Мистер Сатерс еще дважды скрылся под водой.

— Мне действительно очень жаль, мистер Сатерс. Но, как вы знаете, у меня есть обязательства и перед другими пловцами.

Мистер Сатерс пошел ко дну в третий раз.

Пока Фред говорил, он оказался возле объекта спасения, и мистер Сатерс схватил его за руку в последней отчаянной попытке получить помощь. Фред медленно разжал пальцы, охватившие его руку и сказал так тепло и искренне, как только мог:

— Пожалуйста, не принимайте это на свой счет, мистер Сатерс. Мне было по-настоящему приятно заниматься с вами во время уроков плавания.

Он подал в сторону, и мистер Сатерс пошел ко дну в четвертый — и последний — раз.

Фред повернулся и медленно поплыл к причалу.

В тот вечер Берт и Джон убеждали его.

— Ты и так зашел значительно дальше того, к чему обязывало тебя положение, — сказал Джон. — Большинство утопающих не всплывают уже после третьего раза.

— Ты предоставил ему все возможности, — согласился Берт. — Как говорится, ты не можешь спасти всех.

По дороге в колледж

*«Был Свет истинный, Который
посвещает всякого человека,
приходящего в мир» (Ин. 1:9).*

Предположим, что в один прекрасный день я отправился пешком из Сан-Франциско в «Пасифик Юнион колледж»* — в землю обетованную! Вы проезжаете мимо на своем автомобиле и предлагаете подвезти меня. Если я соглашусь поехать с вами, то попаду в «Пасифик Юнион» быстрее и уберегу свои ноги от множества мозолей. Но в любом случае я направляюсь туда.

Вернемся к началу. В один прекрасный день я отправляюсь пешком из Сан-Франциско в Рино** — то есть в другой город! Вы проезжаете мимо на машине, останавливаетесь и предлагаете подвезти меня. Если я поеду с вами, то быстрее доберусь до Рино и избавлю свои ноги от множества мозолей (хотя мне придется

* Учебное заведение Церкви христиан адвентистов седьмого дня.

** Центр отдыха и развлечений.

набить значительно больше мозолей, когда я туда па-
паду!). Но в любом случае, я попаду в Рино.

Это — попытка в форме притчи поговорить о сви-
детельстве и о той роли, которую мы можем играть в
деле спасения или гибели любого человека.

В ЦЕРКВИ

Самая большая церковь в округе
Почему я не хожу в кино
Бесплатный «кадиллак»
Участники и аутсайдеры
Трамвай

Самая большая церковь в округе

Кен Мак-Фарланд

*«Широки врата и пространен
путь, ведущие в погибель, и мно-
гие идут ими» (Мф. 7:13).*

Мой приятель Фитц как-то раз пригласил меня в свою церковь, и я согласился пойти с ним. Какое прозрение! Но прежде, чем я расскажу вам о богослужении, позвольте заметить, что, когда он меня пригласил, я немножко занервничал. Понимаете, Фитц — последователь самой значительной нехристианской религии в нашей стране. Однако я должен признать, что как только богослужение пошло своим чередом, я был удивлен тем, насколько отличной от христианства и в то же время похожей на него была его религия.

В первый раз я удивился, когда он сказал, что нам нужно быть в церкви в воскресенье, к трем часам пополудни. Мне показалось, что это — странное время для службы. Второй раз я испытал удивление, когда

Фитц сказал, что мы освободимся примерно через час. Мы прибыли на стоянку перед церковью примерно в половине третьего, и я был поражен: стоянка была уже заполнена машинами. Церковное здание оказалось самым безобразным из всех, что я когда-либо видел. В дверях один из дьяконов собирал пожертвования — еще до того, как мы вообще вошли внутрь. Я был благодарен Фитцу, который отдал деньги за нас обоих, и удивлен размером пожертвований и тем, как весело и легко мой друг расстался с деньгами.

Когда мы вошли внутрь, нам пришлось чуть ли не драться за свободные места. Наконец мы обнаружили два места, возле черного хода. Я сказал Фитцу, что в нашей церкви все устроено несколько иначе. Люди первым делом садятся на последние ряды, а передние места оставляют тем, кто приходит позже. В ту же секунду появился другой дьякон, который продавал брошюры. Я полагаю, он притащил их, учитывая щедрость Фитца, проявленную при входе.

Вскоре я осознал, что в церкви Фитца, как и в моей, в богослужении участвовали лишь несколько человек, тогда как остальные сидели и смотрели. Участники церемонии вскоре выполнили свои обязанности и заняли места как раз перед нами. Вы не поверите, с каким энтузиазмом община выражала свое одобрение, веселилась и аплодировала каждому человеку, принимавшему в тот день участие в программе.

Аудитория несколько утихла, когда к микрофону шагнула молодая женщина и все встали, чтобы спеть первый гимн. Фитц сказал, что один и тот же гимн используется в начале богослужения всеми деноминациями в его религии. Надо сказать, что слова солистки тонули в общем шуме, поскольку община пела достаточно громко. Неожиданно все сели.

Теперь программа началась всерьез. Вот и рассуждайте тут об эмоциях! Я огляделся и не смог найти

хотя бы одного спящего прихожанина. Все взоры были обращены к участникам церемонии, члены церкви время от времени вставали и выкрикивали что-то с очевидным волнением. В нашей церкви даже робкое «аминь», произнесенное кем-то после проповеди, вызывает по меньшей мере удивление остальных, которые начинают оглядываться в поисках возмутителя спокойствия.

В перерыве Фитц рассказал мне кое-что о своей религии. Я узнал, что в ней несколько главных деноминаций и что многие верующие одновременно являются членами нескольких, а порой даже и всех общин подряд. Как и христианство, их религия имеет свой особый язык и литургию с небольшими отличиями в каждой деноминации. Члены церкви в большинстве своем весьма преданы ей, ежедневно читают любую литературу о своих божествах и святых, какую только могут найти, и, исполняясь веры, смотрят свои богослужения, транслируемые по телевидению, если по какой-либо причине не могут прийти в церковь. Они безо всякого смущения свидетельствуют о своей вере каждому, кто их слушает, а сознание того, что все они — одна семья, является само собой разумеющимся.

Может быть, самое сильное удивление за весь этот день я испытал, когда мы покидали церковь. Я взглянул на часы — девятнадцать тысяч человек, среди которых были и мы, просидели здесь больше трех часов, даже не заметив этого, а ведь в церкви были жесткие сиденья! Когда мы добрались до машины Фитца, он спросил, не хочу ли я в следующее воскресенье снова сходить с ним на особую службу, которая проводится в его церкви только раз в год. Разумеется, я согласился. Я хочу сказать, что собираюсь выяснить, с чего бы это какой бы то ни было церкви называть свое воскресное богослужение «суперболом».

Почему я не хожу в кино

*«Не будем оставлять собрания
своего, как есть у некоторых
обычай» (Евр. 10:25).*

Я не хожу в кино, потому что не люблю толпу.

Я не хожу в кино, потому что не могу слишком долго сидеть неподвижно.

Я не хожу в кино, потому что за просмотр всегда требуется платить.

Я не хожу в кино, потому что мне, похоже, никогда не достаются хорошие места.

Я не хожу в кино, потому что там множество лицемеров и грешников.

Я не хожу в кино, потому что директор кинотеатра ни разу не пригласил меня.

Я не хожу в кино, потому что, отработав целый день, мечтаю отоспаться.

* * *

Для многих из нас церковь — это то же самое кино, и мы не ходим туда по тем же причинам.

Может быть, нам не следует увлекаться этой аналогией. Почему вы не посещаете спортивные состязания? Ведь люди ходят на футбольные матчи, невзирая на толпы болельщиков. Люди отправляются на футбол и сидят там полдня. Случается, что они часами просиживают у экранов телевизоров. А причина этого заключается в том, что им интересно наблюдать за происходящим. Они идут, невзирая ни на какие трудности. Полагаю, что некоторые причины, удерживающие нас от посещения церкви, также не имеют особого значения. Не так ли?

Бесплатный «кадиллак»

«Ибо все они — лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечистиво» (Ис. 9:17).

В качестве рекламного трюка в Сан-Франциско решили распространить сорок бесплатных «кадиллаков». Предполагалось подарить их первым сорока гражданам, стоящим в очереди в понедельник утром. Воскресную ночь мне пришлось провести на улице, зато когда наутро двери магазина открылись, я входил в первую десятку «очередников». И мне, без сомнения, должен был достаться «кадиллак Севилья».

Но, насладившись надеждами, я огляделся вокруг и заметил среди ожидающих подарка несколько отпетых лицемеров. И тогда я сказал себе: «Если они собираются раздавать «кадиллаки» *подобным* людям, тогда до свиданья, я в этом не участвую». Я повернулся и ушел!

Вы осознали смысл этой притчи? Разве Божья Церковь не принимает людей, которые, согласно нашему пониманию, не должны быть ее членами? Даже среди прихожан церкви Иисуса находился Иуда, а позже — Анания и Сапфира. Не позволяйте себе увязнуть, рассуждая о лицемерии в церкви.

Участники и аутсайдеры

*«Увращую отпадение их, возлюблю
их по благоволению» (Ос. 14:4).*

В игре всегда есть участники, но есть участники, оказавшиеся вне игры.

Их принято называть аутсайдерами, они остаются за бортом. Люди не в силах объяснить различия между теми или другими, потому что их взгляд направлен только в одну сторону.

Когда большинство считают себя участниками, один из лучших индикаторов их истинного состояния — это взаимоотношения с аутсайдерами.

Когда кто-то оказался за бортом и поэтому вы считаете его аутсайдером, подумайте, что для него за бортом оказались *вы* и поэтому он вправе считать вас таковым. Но настоящие участники игры хотят вовлечь в нее тех, кто вышел из нее. Когда же у них нет такого стремления, это значит, что аутсайдеры — они сами!

Трамвай

«Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему» (Рим. 1:16).

Поначалу они никогда не замечают этого, потому что, вскакивая на подножку трамвая, слышат голос кондуктора: «Осторожно, смотрите под ноги!» И они пытаются быть осторожными и смотреть под ноги.

Потом начинается смятение и давка, и каждый старается занять хорошее место и разобраться, кому сидеть рядом и где лучше устроиться — у окна или ближе к проходу. После этого они начинают обмениваться репликами, знакомятся с соседями-пассажирами, некоторые из них уже ездили в трамвае. А затем кондуктор обходит салон, собирая плату.

Наконец, кто-то замечает: «Но ведь трамвай не движется!» Все глядят в окно и убеждаются в этом сами. Трамвай стоит на месте. Никто точно не знает, как долго придется им здесь простоять. Но пока еще в салоне слышатся восклицания: «Видите это маленькое

кафе? Там я завтракал перед тем, как сесть в трамвай». Или: «Помните тот желтый грузовик, посреди улицы?»

Кондуктор пытается успокоить пассажиров:

— Мы обязательно отправимся, имейте терпение. Нужно только подождать.

Тут подает голос мистер Джонс:

— Скажите, когда в точности мы должны прибыть к Месту назначения?

— Ну, — отвечает кондуктор. — Никто не знает в точности дня или часа. Одни говорят, что, если бы не задержки, мы давно уже были бы там. Но если вы останетесь в трамвае, вы туда обязательно попадете.

Через некоторое время мистер Брэдли вскакивает на ноги и заявляет:

— Я полагаю, самое время сформулировать, *почему* этот трамвай не трогается с места. Давайте устроим общее собрание и обсудим способы и средства заставить его двигаться.

Эта идея всем приходится по вкусу, и пассажиры избирают мистера Брэдли председателем, потому что он первый заговорил об этом.

— Господин председатель, — замечает человек, сидящий в одном из первых рядов. — Я полагаю, мы стоим на месте из-за того, что плата за проезд слишком высока. Как мы можем добиться какого-либо прогресса, когда кондуктор постоянно ходит по вагону, выпрашивая деньги?

Следующим выступает мистер Томпсон:

— То, что нам действительно нужно, — это собрать в трамвае побольше пассажиров. Посмотрите на пустые сиденья! А кроме того, если мы наберем достаточно пассажиров, чтобы заполнить трамвай, мы *соберем* больше денег.

Затем поднимает руку мистер Тэйлор:

— При всем уважении к мистеру Томпсону должен заметить, что количество не является большой проблемой.

Нам необходимо не увеличение количества пассажиров, а улучшение их качества. Я веду к тому, что мы должны избавиться от некоторых из наших пассажиров, заменив их людьми из высших классов общества. Когда этот трамвай, благодаря высокому качеству пассажиров, получит известность, мы продвинемся в верном направлении.

Все втайне размышляют о том, что это — отличная идея, и немедленно соображают, что им было бы приятно, если бы двух-трех пассажиров выставили из трамвая. Но все голосуют против, поскольку не уверены, что кто-нибудь не предложит для этого дела *их самих*. Итак, эта идея отпадает.

Затем мистера Брэдли, председателя, неожиданно осеняет:

— Почему бы нам не украсить наш трамвай по-новому? — Все немедленно соглашаются, и похоже, дело идет на лад... пока не начинают решать, какой цвет подойдет больше всего. Часть пассажиров желает видеть голубые ковры и обивку, но остальные предпочитают красные. Споры становятся все громче, изначальный предмет дискуссии благополучно забывается, и «Комитет по созданию интерьера» умирает медленной и мучительной смертью.

К тому времени возникает идея, которая почти всем приходится по вкусу. Мистер Хаауторн высказывает предположение, что настоящую проблему представляет собой кондуктор, и все, что необходимо, чтобы трамвай сдвинулся с места, — так это уволить его и найти нового. На какое-то время все объединяются, но ненадолго — пока они не получают нового кондуктора. Он нравится им ничуть не больше, чем предыдущий (и главное, он тоже начинает требовать деньги), а трамвай так и стоит себе на месте.

Время от времени кто-нибудь заявляет: «Я устал от этого трамвая, который никуда не едет. Он и раньше стоял на месте, и в будущем не сдвинется. Я выхожу».

Когда такое случается, кондуктор и оставшиеся пассажиры пытаются поддержать и ободрить нетерпеливого соратника, напоминая ему, что их трамвай — единственный истинный трамвай на свете и что те, кто остается в нем, неизбежно попадут к Месту назначения. Если это не срабатывает, они зовут одного из старейших пассажиров, который находится в трамвае уже долгое время, чтобы тот рассказал ему об опыте прошлых лет.

Как вы понимаете, по дороге к Месту назначения всюду расставлены знаки. Большинство пассажиров не могут припомнить, чтобы они лично видели какой-либо знак, кроме, разве, одного. Он располагается как раз на остановке, с которой не может сдвинуться трамвай. Знак гласит: «Место назначения — прямо и вперед».

Но некоторые из старейших пассажиров припоминают времена, когда трамвай двигался и они видели, как один знак сменяет другой. В те времена трамвай ехал вперед, правда, поскрипывая, и для всех было настоящей радостью увидеть знак, гласивший «Место назначения — далеко впереди», а немного позже — еще один, с надписью: «Теперь Место назначения намного ближе».

Некоторые из старейших пассажиров испытывали при виде знаков такой восторг, что до сих пор занимают места в первых рядах салона, их глаза устремлены вперед в надежде разглядеть следующий указатель. Они, присоединившись к кондуктору, постоянно подбадривают остальных и побуждают их и дальше следить за дорогой. Они говорят, что трамвай уже почти приехал. Теперь им достаточно в любую минуту тронуться с места, чтобы увидеть последний знак, где будет написано: «Место назначения: ограничение скорости при движении по городу», и поездка будет окончена!

В общем, обо всем этом слишком долго рассказывать. И вот в один прекрасный день кто-то из пассажиров высунулся в открытое окно и посмотрел вверх.

Над трамвайными путями был протянут электрический кабель, а на крыше трамвая находилось нечто вроде соединительной конструкции. Но трамвай не был подключен к кабелю.

Пассажир в великом восторге нырнул обратно в трамвайное окно.

— Эй, люди! Мне кажется, я сделал открытие! Мы не подключены к верхним проводам, мы не подключены к источнику энергии. Может быть, поэтому мы и не движемся.

Но собрание увязло в дискуссиях по вопросу, может ли пассажир трамвая одевать в поездку голубые джинсы, и пропустило сообщение мимо ушей.

— Послушайте! — продолжал кричать пассажир. — Мы не подключены к источнику энергии! Немудрено, что наш трамвай не двигается с места. Идемте, посмотрите сами. Тут есть специальное приспособление, но оно не подсоединено к проводам.

Несколько пассажиров двинулись к окнам и, высунувшись, принялись разглядывать провода. Они убедились, что их трамвай не имеет связи с той силой, которая находилась прямо над их головой.

Эта маленькая группка принялась серьезно обсуждать, как бы им подключиться к источнику энергии. Они стали ревностно изучать руководство по вождению трамваев. Они тщательно следовали предписаниям. Вскоре к ним присоединились и другие, возбуждение все возрастало.

Некоторые же из пассажиров ополчились на них и объявили их фанатиками. Но, несмотря на оппозицию, большая часть пассажиров осознала, что именно является Источником энергии. Благодаря их усилиям трамвай был подключен к этому Источнику и в конце концов тронулся с места.

А затем случилась самая поразительная. Те пассажиры, которые не верили в Источник энергии, так пе-

репугались, когда трамвай все-таки двинулся в путь, что, как только машина начала набирать скорость, кинулись вон. Они отбросили все свои идеи насчет того, что этот трамвай — единственный, в котором стоит ехать, и поспешили найти другой трамвай, который и не думал трогаться с места, чтобы в мире и покое продолжать там свои общие собрания.

А что же стало с нашим трамваем? Сказать по правде, в последний раз, когда я слышал о нем, он уже почти прибыл к Месту назначения.

КРЕЩЕНИЕ

Слишком рано повзрослел,
слишком поздно поумнел

Слишком рано повзрослел,
слишком поздно поумнел.

«Называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1:22).

Протестантский священник был уже готов начать церемонию крещения. Перед тем как окропить крещаемых, он решил объяснить их друзьям свои действия.

— Предлог «в», — сказал он, — в Библии не всегда означает привычное нам понятие. Когда мы читаем, что Иисус вошел *в* воду, это вовсе не обязательно означает, что он в действительности ступил *в* воду, точно так же, как не побывал внутри горы Синай и Моисей, который, согласно Библии, вошел «*в* гору».

В конце службы он спросил присутствующих о впечатлениях. Один-два слушателя сказали, что им очень понравилось его объяснение. Под конец в разговор вступил какой-то плотный немец.

— Миштер паштор, могу я сказать? Я быть очень плохой человек. Я рад быть здесь этот вечер. Я нико-

гда раньше не понимать Библия. Теперь я понимать. Если Библия говорить: Даниил входить в яма ко львам, это всего лишь знашит, што он быть поблизошти и львы не иметь возможношти его хватать. Если еврейшких юношей брошать в огненная печь, это не знашит, что их по-настоящему брошать в огонь, а што они прошто быть поблизошти, где есть прошто тепло. Теперь я понимать, что вы обяшнять про Иона. Он не попадать в чрево кита, а прошто прыгать у него на спине. И я так радоваться понимать, что ешли грешники, вроде меня, умирать, они не попадать в озеро огненное, а прошто быть поблизошти, где не есть холодно. Я теперь понимать насчет швятых. Если Библия говорить, што они быть в Швятой город, это знашит, что они прошто быть рядом, снаруши и шмотреть, что происходить внутри, и видеть, какую возмошность они потерять.

СУББОТА

Субботний визит

Субботный визит

«Если ты удержишь ногу твою ради субботы от исполнения прихотей твоих во святой день Мой, и будешь называть субботу отрадою, святым днем Господним, чествуемым, и почтишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать твоей прихоти и пустословить, — то будешь иметь радость в Господе» (Ис. 58:13, 14).

Я влюбился в очаровательную девушку и полагал, что тоже нравлюсь ей. Но была одна проблема. Лишь один раз в неделю мы могли побыть вместе и по-настоящему поговорить. Мы решили встречаться в это время, и я обещал, что буду являться к ней в дом еще накануне вечером, как раз на закате, когда солнце уйдет за горизонт, а небо станет лиловым. Я полагал, что это будет очень романтично. Итак, я шагнул на крыльцо ее дома как раз в ту минуту, о которой ей говорил. Взволнованный при мысли о том, что вот-вот увижу любимую девушку, я постучал.

К двери подошел ее маленький брат.

Где твоя сестра? — спросил я.

— О, — отозвался он, — я думаю, она в душе. Если хочешь, можешь войти и подождать.

Итак, я вошел в комнату, уселся и принялся ждать. Через некоторое время она промчалась мимо меня на кухню. Ее мокрые волосы завивались колечками. Увидев меня, она бросила: «Привет», и в следующее мгновение скрылась за дверью.

Честно говоря, я был разочарован. Судя по всему, она возилась на кухне с утюгом и гладильной доской, прихорашиваясь к следующему дню. Я слышал, как пару раз отворилась и захлопнулась входная дверь и загремели кастрюли и сковородки.

Я стал подумывать, что она, возможно, не слишком волнуется о нашей встрече. И все же продолжал ждать. Наконец в комнату вошел кто-то из членов ее семьи, затем еще один. Она выскочила из кухни, представила нас друг другу и сказала:

— Я думаю, мы можем присесть и познакомиться поближе.

Но тут вмешался ее маленький братец:

— А когда же мы будем есть?

После непродолжительной дискуссии было решено, что вначале нам следует поесть, и потому мы отправились к столу и уселись ужинать.

Когда ужин был закончен, кто-то произнес:

— Ну а теперь почему бы нам не перебраться в гостиную и не познакомиться поближе с нашим гостем?

А кто-то другой отозвался:

— Почему бы и нет?

Честно говоря, мне это не очень понравилось, но мы все-таки отправились в гостиную и завели разговор. Я обратил внимание, что кое-кто из них откровенно засыпал, включая и ту юную леди, которая интересовала меня больше всего на свете. И в самом

деле, они зевали и клевали носом. В конце концов маленький братец отправился спать, не дожидаясь конца беседы.

Да, похоже, мои выходные в кругу ее семьи начались весьма неудачно. Думаю, меня можно понять. Наконец, извинившись, она встала:

— Послушай, — сказала девушка моей мечты. — У меня была тяжелая неделя, слишком много дел... Я сожалею, что не смогла как следует подготовиться к твоему приходу, но завтра все будет иначе. Мы придумаем что-нибудь особенное.

Сердце мое забилося, и я почувствовал себя лучше.

Я ложился спать, рисуя в воображении картины, будто мы отправляемся в некое уединенное место, где можем по-настоящему поговорить и лучше узнать друг друга.

На следующий день, день нашей встречи, выяснилось, что она решила собрать группу друзей и отправиться на природу. Поначалу я с оптимизмом смотрел в будущее, пока не обнаружил, что все ее друзья берут с собой мотоциклы. Да, конечно, мы все же отправились на природу, но в ближайшем лесочке так ревели мотоциклы, что вы бы даже не смогли разговаривать. Наконец наступил полдень, и мы устроили пикник. Моя подруга выглядела чрезвычайно усталой, и как только мы покончили с едой, вся компания расстелила в тени одеяла и предалась послеобеденному отдыху. Понятное дело, что времени поговорить у нас не осталось. В конце концов я обнаружил, что гуляю по лесу в полном одиночестве. Я люблю лес, однако вовсе не собирался проводить время наедине с собственными мыслями. Так я провел всю вторую половину дня, чувствуя себя очень одиноким.

Наконец я вернулся к компании, которая к этому времени уже пробудилась. Приближаясь, я услышал их разговор. Моя подруга говорила кому-то, что едва

может дожидаться, когда я их покину, потому что у нее потрясающие планы на вечер, после того, как я убе-
рись восвояси. Я проводил эти выходные в грусти и
разочаровании, потому что, сами знаете, как тяжело
любить кого-то, кто вовсе не испытывает к вам ответ-
ных чувств...

ПОКОРЯЯСЬ АВТОРИТЕТУ

Ученый фермерский сын

Ученый фермерский сын

*«Во всех путях твоих познавай
Его, и Он направит стези твои»
(Притч. 3:6).*

*«Верьте Господу, Богу вашему,
и будьте тверды; верьте проро-
кам Его, и будет успех вам»
[2 Пар. 20:20].*

У преуспевающего фермера был сын, студент университета, изучавший сельское хозяйство. Через несколько лет сын вернулся домой, переполненный новыми идеями, которые он хотел опробовать на ферме своего отца.

И он был вне себя от радости, когда по возвращении отец сообщил ему, что отдает всю ферму в его руки.

— Мы с твоей матерью несколько отстали от жизни и теперь хотим удалиться на покой, — сказал отец. — Мы долго ждали того дня, когда сможем отправиться путешествовать, повидать другие страны, и поэтому

немедленно отправляемся в кругосветное путешествие на корабле. Путешествие продлится ровно год. Мы оставляем ферму на твое попечение.

Сын давно желал проверить свои знания на практике и даже подумывал о том, чтобы попросить себе пару акров бросовой земли для экспериментов, но действительность превосходила все, о чем он мог мечтать.

Однако отец поставил ему одно условие:

— Я хочу, чтобы в этот первый год ты твердо следовал моим инструкциям. Разумеется, я не буду возражать, если ты станешь производить пробы почвы, исследовать ландшафт и делать еще что-либо, чему тебя научили в университете. Но в течение этого года я хочу, чтобы ты руководил фермой согласно моим наставлениям. Когда этот год пройдет и я вернусь, то, если ты сделаешь все, как я просил, я запишу ферму на твое имя, и тогда всю оставшуюся жизнь ты будешь возделывать землю, как тебе вздумается.

Итак, сын согласился. Родители отправились в путешествие, а молодой человек занялся посевом семян в соответствии с инструкциями, данными отцом. Одновременно он брал пробы почвы и применял на практике те методы анализа возможного повышения урожайности, которые изучил в университете.

Он был потрясен. Его отец, даже не имея высшего образования, мудро руководил фермой. Там, где отец приказал ему сажать кукурузу, земля, согласно тестам, больше всего подходила для того, чтобы давать хорошие урожаи этой культуры. Там, где отец указал сажать люцерну, исследования почвы подтвердили, что она как раз подходит для люцерны. Инструкции отца насчет севооборота, внесения удобрений и распашки в точности совпадали с тем, что его сын считал наивысшими достижениями сельскохозяйственной науки.

Кроме одного акра.

Был один маленький акр земли на отшибе, на котором отец приказал посадить сою. Но анализы почвы показали, что этот участок во всех отношениях не годился для сои. Эта земля находилась рядом с ручьем и не нуждалась в поливе. В соответствии с теми знаниями, которые имелись у сына, участок больше всего подходил для посадки пшеницы. И он посадил пшеницу вместо сои.

Месяц шел за месяцем, и наконец настал тот день, когда отец вернулся и вместе с сыном отправился на поля. Сын гордился хорошим урожаем и обильной жатвой.

— Следовал ли ты моим указаниям? — спросил отец.

— Да, конечно, — отвечал сын. — Я сделал все так, как ты сказал.

Но когда они добрались до акра земли, расположенного у ручья, отец замедлил шаг.

— Мне кажется, я говорил тебе засеять этот акр соей, — сказал он.

— Ты говорил, — подтвердил сын, — но соя вообще не стала бы здесь расти. Я исследовал почву и решил посадить пшеницу, — и она хорошо уродилась. Нет сомнений в том, что соя не стала бы здесь расти. Но во всем остальном я в точности следовал твоим инструкциям.

— Нет. Ты вообще не следовал моим инструкциям, — печально произнес отец. — Ты делал все по своему желанию и вел хозяйство согласно собственному разумению — от начала до самого конца. Просто так получилось, что твои собственные заключения совпали с моими указаниями — во всем, исключая этот акр земли. Этот участок показал, готов ли ты добровольно принять мое суждение вместо своего собственного, и ты не выдержал испытания.

И сын так и не наследовал отцовской фермы.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Пришествие Иисуса
в «Пасифик Юнион колледж»
В тот вечер я был слишком занят

Пришествие Иисуса в «Пасифик Юнион колледж»

*«В мире был, и мир чрез Него
начал быть, и мир Его не познал»
(Ин. 1:10).*

Иисус вот-вот должен был прийти в «Пасифик Юнион колледж». Этого ожидали все. Вы не могли бы долго проучиться там, не услышав разговоров об этом. С тех самых пор, как в 1882 году был основан этот колледж, здесь говорят о том, что Иисус должен прийти в «Пасифик Юнион», поют об этом и читают проповеди. И не только это. Согласно мнению тех, кто особенно тщательно изучал пророчества о Его Втором пришествии, это время было очень, очень близко.

В одно прекрасное раннее утро, когда еще даже не рассвело, несколько новичков с сельскохозяйственного отделения вышли из общежития, чтобы отправиться на ферму выполнять свою ежедневную работу. Шагая к ферме, они говорили о признаках скорого при-

шествия Иисуса. Неожиданно их ослепил яркий свет. Юноши прикрыли глаза ладонями, думая поначалу, что это может быть свет автомобильных фар. Затем, на какое-то мгновение они в испуге подумали, что, возможно, источником света является какой-нибудь самолет, который заплутал в поисках аэропорта. Но когда их глаза привыкли к яркому свету, они, вне всякого сомнения, увидели перед собой существо, в точности походившее на ангелов, изображение которых они видели на картинках, — только бесконечно более величественное и ослепительное. Никакая картина не могла передать этого сияния. И раньше, чем юноши могли бы повернуться и убежать, они услышали обращенные к ним слова:

— Не бойтесь, — сказал ангел. — Я явился с благой вестью! Иисус уже прибыл. Он здесь, в «Пасифик Юнион»!

И ангел рассказал им, где Он остановился.

И стоило ангелу сообщить им радостную весть, как к нему присоединилось целое воинство других ангелов! Они пели, и это было самое чудесное пение, которое когда-либо доводилось слышать студентам. А потом видение исчезло.

Студенты поспешили к тому месту, где, как им было сказано, они найдут Иисуса, и действительно увидели Его там.

Тогда они направились в студенческий городок. На часах было несколько минут девятого, когда они ворвались в церковное управление.

— Иисус уже здесь — воскликнули они, заведев секретаршу. — Быстрее! Сзовите пасторов! Иисус здесь, Он явился этой ночью. Мы видели ангелов, которые сказали нам об этом, и мы побежали и видели Его собственными глазами... Может быть, вы уже слышали об этом... — под конец их речь зазвучала несколько менее уверенно.

— Честно говоря, никого из пасторов пока нет, — отвечала секретарша. — Они обычно собираются не раньше девяти. Могу ли я пригласить и вас к этому часу?

Студенты, разумеется, согласились, но стоило им покинуть здание церкви, как они решили предупредить об этом преподавателей богословского факультета. Обнаружив, что все они уже приступили к лекциям, наши новички решили заглянуть в административный корпус. Однако и здесь секретарь сообщил, что все отправились на общее собрание, и потому на рабочем месте никого нет.

Итак, пока наши новички дожидались девяти часов, они успели обойти весь студенческий городок, сообщая удивительную новость всем встречным. Несколько студентов, похоже, поверили им и стали спрашивать, куда нужно идти, чтобы увидеть Иисуса. Но большинство встречало их сообщение пристальными взглядами, недоверчивыми улыбками и подозрительными вопросами.

Наконец, настало время отправиться на встречу с пасторами. С нетерпением и готовностью наши герои рассказали свою историю. Пасторы обменялись взглядами, задали несколько вежливых вопросов и в конце беседы пообещали поднять этот вопрос на ближайшем собрании пасторов. А если это окажется необходимым, даже включить данный вопрос в повестку дня на ближайшем совете церковного правления. И студенты покинули офис.

Спустя две недели в студенческий городок прибыла весьма разношерстная группа джентльменов, интересовавшихся, где они могут найти Иисуса. Кто-то направил их в церковное управление.

— Мы слышали о пришествии Иисуса в «Пасифик Юнион колледж», — объявили они секретарше, — и хотели бы повидаться с Ним, если это, конечно, воз-

можно. Мы из Чикаго. Есть ли у нас шансы увидеть Его?

Секретарша, извинившись, бросилась в кабинет пастора.

— Что мне делать? — нервно спросила она. — Скорее всего, они не христиане, но по всему видно, что люди солидные. Мне бы не хотелось их обидеть.

Пастор вздохнул.

— Слухи распространяются поразительным образом... Пригласите их ко мне. Попробую с ними поговорить.

Множество людей слышали историю о том, что студенты вроде бы видели ангелов, а еще больше слышали о визите неверующих из Чикаго. Но практически все, или *почти* все твердо знали: если бы Иисус действительно появился на территории городка, Он первым делом отправился бы в церковное управление, или же на богословский факультет, или, в крайнем случае, в административный корпус. Его проповедники были бы первыми, кто узнал об этом, а отнюдь не последними. И если бы Иисус действительно пришел на Землю, вряд ли эту новость доверили бы каким-то там сельскохозяйственным рабочим или компании неверующих откуда-то с дальнего Запада.

Итак, люди в «Пасифик Юнион» перестали думать обо всей этой истории и продолжали с надеждой ожидать того благословенного времени, когда Иисус и в самом деле придет к ним.

В тот вечер я был слишком занят

«Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11).

В субботу вечером я смотрел по телевизору «Мэнникс». В тот вечер детективная история, развернувшаяся на экране, всецело привлекла мое внимание. Всякий раз, как фильм прерывала реклама, я мчался на кухню и бегом летел обратно. В первый раз я схватил бутерброд и стакан молока. Во второй — пирожное. В третий раз вытащил из раковины скопившиеся там тарелки.

До конца фильма оставалось каких-нибудь четверть часа, и напряжение росло. Действие с каждой секундой разворачивалось все стремительней. Это был самый лучший фильм из всего сериала, а я, надо сказать, не пропустил ни одного.

Мое сердце билось в ритме стаккато. Я смотрел на экран широко раскрытыми глазами, которые уже начало пощипывать. Напряжение было настолько силь-

ным, что я даже боялся моргнуть. Развязка могла наступить в любой момент.

Неожиданно по ступенькам сбежала моя маленькая сестренка.

— Христос идет! Христос идет! — кричала она.

— Да тише ты! Я смотрю «Мэнникс».

— Но идет Христос!

— Ну да, я знаю.

Нашла время орать — на экране как раз началась перестрелка. Мэнникс бросил свой черный «мустанг» влево и выпрыгнул из машины. В воздухе засвистели пули, он открыл ответный огонь. Гильзы рикошетом отлетали от капота машины и близлежащих скал. Камера застыла. Весь экран заняло красивое лицо кинозвезды. Меня пронзил восторг.

— Христос идет! — продолжала вопить моя маленькая сестра.

— Слушай, Сквирт, я уже знаю, что идет Христос. Но сейчас идет «Мэнникс», и я хочу его досмотреть. Всего только пять минут. Это — лучшая часть фильма. Просто утихни и дай мне досмотреть.

— Но Он вот-вот придет! Сейчас! — кричала она, и ее лицо осветил какой-то радостный свет. — Я уже вижу Его!

Неожиданно я увидел, что все вокруг освещено ярким светом. Как будто настал день. И стало жарко. Сама атмосфера сияла, воздух был таким ярким, что я едва мог различить фигуры Мэнникса и того негодяя на экране телевизора.

«О, нет! — подумал я. — Он пришел сейчас, прямо посредине «Мэнникса». Иисусе Христе, да почему же из всей вечности Ты выбрал именно этот миг? Почему Ты не мог хотя бы подождать, пока не кончатся последние пять минут сериала? Только лишь пять минут. Тебе-то какая разница?»

Я напрягался, чтобы рассмотреть, что же делают на экране фигуры, блекнувшие прямо у меня на глазах.

Они, сцепившись, катились по склону холма, осыпая друг друга ударами. Музыка зазвучала громче, она была стремительной и напряженной. Свет в комнате становился все ярче и ярче.

— Христос идет! Христос идет! — вопила сестренка, прыгая на месте. — Он будет здесь прямо сейчас! Я должна встретить Его!

— Да тише ты! — пригрозил я, не желая пропустить ни слова из телевизионного диалога. Авторы всегда берегут наилучшие реплики для последних двух минут фильма. — Иди на улицу и встречай Его, — сказал я. (Что угодно, только бы она на время убралась из дома!). — Скажи Ему, что я скоро буду. Как только кончится «Мэнникс»!

Она выбежала на крыльцо. Я повернул телевизор и приблизил лицо к экрану — насколько это было возможно. Мэнникс, с «пушкой» в руке стоял над поверженным негодяем. Было ясно, что полиция мчит к ним на всех парах. Реплики, которыми обменялись полицейские, Мэнникс и преступник, были просто потрясающими. Я закашлялся. Все было сделано с умом и чрезвычайно профессионально. Чтоб я так писал...

Наконец пошла реклама. Пять минут, забитых коммерческими роликами. Я решил выйти на улицу и встретить Христа, чтобы успеть к началу рубрики «Кино по субботам». За пять минут я вполне успею сказать все, что думаю. Может быть, Он даже немного приглушит свет, чтобы я смог более отчетливо видеть экран.

Я направился к двери и, уже открывая ее, заметил, что все вокруг погружено во мрак. Тишина и темень. Ночная сырость пробирала меня до костей. Далеко в небе мерцали звезды, пристально глядя на меня.

Я пришел в ярость. Мало того, что Он испортил мне удовольствие от фильма, так у Него еще и не хватило вежливости подождать, чтобы сказать: «Привет!»

Но, слава Богу, наконец-то опять стало темно. Это значит, что я могу спокойно насладиться очередным фильмом из рубрики «Кино по субботам». Я вернулся в дом, откупорил бутылочку темного пива, открыл пакет картофельных чипсов и уселся в кресло с твердым намерением приятно провести вечер перед телевизором.

СУД

Как это было и чего не было
Хорошие и плохие новости
Не судите...

Как это было и чего не было

«И увидел я другого Ангела, летящего посредине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле, и всякому племени, и колену, и языку, и народу; и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо, и землю, и море, и источники вод» (Откр. 14:6, 7).

СЦЕНА ПЕРВАЯ: КАК ЭТО БЫЛО

В маленьком городке Миллкрик, штат Иллинойс, в тот вечер царило великое волнение. Был 1845 год. В город только что прибыл восьмой окружной судья штата Дэвид Дэвис из Блуминдейла. Как обычно, его сопровождали несколько окружных адвокатов, включая и одного по имени Авраам Линкольн. Присутствие Линкольна вносило дополнительную ноту в атмосферу всеобщего восторга, поскольку жители Миллкрика хорошо помнили его по прошлым визитам в сви-

те судьи Дэвиса. И следует заметить, что Эйб Линкольн был в то время не только блестящим юристом, но и потрясающим рассказчиком. Его истории были лучшими из всех, что можно было услышать в Миллкрике.

Со времени последней судебной сессии в Миллкрике прошло уже почти полгода, и в городе произошло несколько преступлений, требовавших судебного разбирательства. Старый Томас Якобс подозревался в поджоге кузницы. Как-то они с кузнецом повздорили, и Томас выкрикивал угрозы, а в ту же самую ночь кузница сгорела дотла. Имелись свидетели, утверждавшие, что видели неподалеку старину Томаса, который шлепал себя по коленкам и радостно хохотал.

Кроме того, имелся случай драки в таверне между Генри Уитни и Эбенезером Бэйтсом. В конце концов Уитни вытащил пистолет и хладнокровно выстрелил в Эбенезера. Некоторые, правда, говорили, что Эбенезер сам на это напрашивался и что Уитни всего лишь защищал себя. Другие же встали на сторону Эбенезера и утверждали, что случившееся, совершенно очевидно, было преднамеренным убийством.

Но, наверное, самым примечательным случаем было преступление Джесси Адамса. В один прекрасный день он ворвался в город верхом на лошади, промчался прямо к Миллкрикскому банку, сунул «пушку» прямо под нос кассиру и потребовал всю наличность, имевшуюся в кассе. Адамс ухитрился отъехать от города примерно на пятнадцать миль, прежде чем шериф и его помощник схватили налетчика. С тех пор он проводил свои дни в городской тюрьме.

Как водится, в дополнение к этим более-менее увлекательным происшествиям имелись традиционные земельные тяжбы, неуплаченные долги и просроченные закладные, случаи клеветы, а кроме того, человек по имени Сайлас Фостер обвинялся в краже свиней.

Было объявлено, что судебное заседание созовут на следующей неделе, и люди постепенно стали возвращаться к своим обычным делам. Юристы немедленно принялись за работу, разбирая порученные им преступления, и в назначенное время окружной суд собрался на сессию.

В тот день, казалось, весь город собрался в здании суда, и в перерывах между заседаниями повсюду можно было слышать горячие споры и обсуждения всех «за» и «против», что имелись в каждом конкретном случае. Адвокаты снимали показания, устраивали перекрестные допросы и возражали при каждой возможности. Эйб Линкольн, что и говорить, имел сноровку по части извлечения истины на свет Божий, и в тех случаях, когда он защищал подсудимого, даже обвинение в конце концов вынуждено было признать, что адвокат совершенно прав. Люди внимательно слушали разбирательство по каждому делу, вникали в показания свидетелей, и таким образом обретали уверенность, что правосудие вершится справедливо.

Один за другим суд рассматривал представленные ему дела. Жюри присяжных удалялось для размышления и наконец выносило приговор: «виновен» или «не виновен». И когда судья Дэвис объявлял виновным, что они осуждены, а невиновным — что они оправданы, весь город чувствовал удовлетворение.

В последний день пребывания в городе судья Дэвис и его помощники должны были рассмотреть вопрос о виновности Генри Уитни, который стрелял в таверне. Суд пришел к выводу, что подсудимый повинен в убийстве.

А затем окружной судья и его свита отправились в следующий городок.

СЦЕНА ВТОРАЯ: ЧЕГО НЕ БЫЛО

В маленьком городке Миллкрик, штат Иллинойс, в тот вечер царил великое волнение. Был 1845 год.

Восьмой окружной судья штата Дэвид Дэвис из Блуминдейла только что прибыл в город, сопровождаемый Эйбом Линкольном в компании нескольких окружных адвокатов.

Прошло уже почти полгода со времени последней судебной сессии в Миллкрике, и за это время в городке накопилось достаточно случаев, требовавших судебного разбирательства. Старый Томас Якобс подозревался в поджоге кузницы. Имелся также случай драки между Генри Уитни и Эбенезером Бэйтсом, в результате которой последний скончался. Джесс Адамс находился в тюрьме в ожидании приговора по делу об ограблении банка. Также имелся обычный набор мелких разногласий.

Было объявлено, что суд соберется на заседание незамедлительно. Казалось, что весь город собрался в здании суда. Судья Дэвис опустил свой судейский молоток и произнес:

— Томас Якобс — не виновен. Сайлас Фостер — не виновен. Генри Уитни — признается виновным, будет повешен на рассвете. Джесс Адамс — не виновен. Заседание суда закрывается.

Обвинитель вскочил на ноги.

— Но вы не можете так поступить! — закричал он. — Что вы себе воображаете, а? Вы не можете оправдать или обвинить этих людей без справедливого суда, раньше, чем будет доказана их виновность.

Жители городка, все как один, были на стороне обвинения.

— Он прав, — говорили они. — Откуда бы судье знать, кто виновен, а кто нет?

И тут возвысил голос Эйб Линкольн, чтобы быть услышанным в общем шуме.

— Разве вы, граждане, не доверяете нашему судье? Судья знает, кого он имеет право оправдать. Он разобрался в этих делах еще будучи в Блуминдейле. Он со-

хранил подробные записи, имеет свидетельские показания. И он никогда не совершает ошибок.

Но люди почувствовали себя еще более озадаченными.

— Может быть, у судьи и есть улики, а может быть, и нет, — говорили они. — Но ведь мы об этих уликах не знаем. Вовсе недостаточно просто объявить, что имеешь неоспоримые свидетельские показания, — их еще следует проверить, прежде чем выносить приговор. Доказательства должны быть предоставлены *всему суду*, а не одному только сэру Дэвису.

Окружные юристы безуспешно пытались убедить жителей Миллкрика, что судье можно доверять. Люди настаивали на том, что доверие должно зиждиться на ясном понимании фактов, на основе которых выносятся решение судьи.

На следующее утро судья и его свита все еще находились в городе, а между тем началась процедура повешения.

Жители Миллкрика... вешали судью и его помощников!

Хорошие и плохие новости

«Ибо Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну... Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5:22, 24).

Том был преступником — отъявленным негодяем, не то что это заурядное, мелкое, провинциальное городское жулье. Он был преуспевающим мошенником, игроком и фальшивомонетчиком, виновным в плутовстве, лжи, грабеже и убийствах. Он продал бы родную мать, если бы это, по его мнению, помогло добиться вожаделенной цели. Он гордился тем, что никогда не испытывал угрызений совести и не гнушался любым, даже самым грязным делом. Но однажды его поймали.

И теперь Том сидел в тюрьме, пытаясь сообразить, каким должен быть его следующий шаг. Он отчаянно мечтал о побеге. Он подумывал о самоубийстве. Но ни то, ни другое не было возможным: его слишком тща-

тельно охраняли. Он испробовал все возможные словесные уловки, отрицая свою преступную деятельность, но все они звучали неубедительно даже для него самого. Том попал в серьезную переделку, и сам понимал это. И чем дольше он сидел в камере, принужденный размышлять над своей жизнью, тем в большее уныние приходил. Будущее рисовалось ему в мрачных тонах. Казалось, что хуже уже и быть не может. Сколько веревочка не вейся, ей, видно, всегда приходит конец.

В один из дней в камеру Тома явился тюремный надзиратель и сказал:

— Том, у меня для тебя одновременно хорошие и плохие новости.

Том ответил ему угрюмым взглядом. Глубоко в душе он признавал, что любые перемены покажутся благодатью после беспросветного прозябания в этой камере — день за днем, и так до бесконечности. Он мысленно приготовился к худшему.

— Хорошая новость состоит в том, что тебе назначен адвокат, и это самый лучший адвокат в мире.

Том хранил молчание. Он знал, что где-нибудь обязательно таится подвох. Он был уверен в этом на все сто процентов.

Тюремный надзиратель продолжал:

— Плохая новость заключается в том, что по твоему делу также назначен и прокурор, и это самый лучший прокурор в мире.

Том по-прежнему молчал.

Тюремный надзиратель покачал головой:

— Должно быть, этот адвокат сошел с ума, если намерен защищать тебя. Но в любом случае, завтра он придет поговорить с тобой.

Надзиратель развернулся и покинул камеру.

На следующий день в дверь камеры постучал довольно уравновешенный джентльмен. Том в изумлении посмотрел на него, а затем горько рассмеялся.

— У вас ведь есть ключ, мистер, — сказал он. — К чему стучать?

— Я вхожу, только если меня приглашают, — отозвался посетитель.

— Ну что ж, входите, — сказал Том. — Мне-то пойти некуда.

Незнакомец открыл дверь, вошел и уселся.

— Может, все-таки объясните, кто вы? — спросил Том.

— Я адвокат. Я так понимаю, что вы искали адвоката, который бы взялся защищать вас на процессе.

— Да, — признал Том. — Вот они мне его и прислали — самое время. Но расскажите о своей квалификации. Здешний надзиратель говорил, что вас считают хорошим адвокатом. Но если вы так хороши, я, наверное, не смогу оплатить ваши услуги. Я представляю себе расценки и знаю, чего ожидать.

— Итак, — начал адвокат, — у меня есть для вас одновременно хорошие и плохие новости. Хорошая новость состоит в том, что я еще ни разу не проиграл дела. Я могу гарантировать вам окончательный результат судебного разбирательства, если только вы целиком и полностью отдадите себя в мои руки.

— А плохая новость — это сумма вашего гонорара, так? — перебил его Том.

Адвокат кивнул.

— О'кей, это мои проблемы. Итак, сколько это может стоить?

— Ничего.

— Простите?

— Ничего, — повторил адвокат.

— Я, конечно, человек небогатый, но ваша благотворительность мне не нужна, — отрезал Том. — Если мне удастся выбраться из этой помойки, у меня будет куча денег.

Адвокат ответил ему понимающей улыбкой.

— Нет. Если вы нуждаетесь в моей помощи, вы должны принять ее как дар. Вы не сможете оплатить даже малую часть. Все это целиком и полностью бесплатно. Это одно из неперемennых условий, на которых я возьмусь за ваше дело.

Несколько минут Том в молчании размышлял, а затем спросил:

— Каковы же остальные условия?

— Знаете, — отвечал адвокат, — у меня для вас есть еще хорошие и плохие новости. Хорошая новость такова: если вы хотите, чтобы я занимался вашим делом, вы должны просто попросить меня об этом. И я немедленно примусь за работу. Плохая же состоит в том, что если я берусь за ваше дело, вы признаете себя виновным.

Том поперхнулся.

— Вы виновны? — спросил адвокат.

— Ну да. Но если я признаю себя виновным по всем пунктам обвинения, которые против меня выдвигаются, у меня не останется ни единого шанса. Даже и тени надежды. Они засудят меня. Как вы можете думать, что сможете помочь мне, если я признаю себя виновным?

— У меня снова есть для вас кое-какие хорошие новости и кое-какие плохие, — произнес адвокат. — Плохая новость состоит в том, что если вы признаете себя виновным, вас, безусловно, осудят. И даже если вы не признаете себя виновным, у прокурора имеются вполне достаточные доказательства, и вы в любом случае будете осуждены. Таким образом, нет сомнений в том, что вам вынесут смертный приговор.

— Тогда зачем вообще устраивать суд? — заметил Том.

— Вы позабыли о том, что у меня есть и хорошая новость, — заметил адвокат. — И она состоит в том, что я добровольно возьму на себя приговор и вас отпустят на свободу.

— Ни в коем случае! — вскричал Том. — Это же не вы прожили дрянную жизнь. Это был я, и только я. За все годы я не сделал ничего хорошего и не заслуживаю ничего, кроме смерти. Даже виселица слишком хороша для меня. Я ни в коем случае не могу позволить вам расплачиваться за мои преступления.

— Но, Том, друг мой, — осторожно ответил адвокат, — я уже заплатил. Тебе остается лишь добровольно принять этот факт. Если ты готов поменяться со мной местами, жизнь твоя, и дело сделано. Я сполна заплатил за твои преступления.

Долгое время Том пребывал в молчании, а потом тихо спросил:

— Есть ли что-нибудь еще, что мне следует знать до того, как начнется суд?

Адвокат кивнул:

— Да, у меня есть для тебя новости, плохие и хорошие. Хорошая новость заключается в том, что ты будешь прощен. В этом нет сомнений. Ты сможешь стоять перед Богом и людьми так, словно никогда не грешил. Но, наверное, у меня есть для тебя и плохая новость.

— Что такое? — спросил Том.

— Ты больше никогда не будешь преступником, вот в чем дело.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ты станешь новым человеком, получишь иное направление жизни. Моя работа состоит не в том лишь, чтобы только уплатить цену за твои ошибки. Я сделаю даже больше — наполню твою жизнь новым содержанием. С этих пор ты не должен больше лгать и жульничать, красть и убивать. Ты должен стать чистым, честным и достойным доверия. Мы будем работать вместе, в тесном сотрудничестве — ты и я. Мы станем добрыми друзьями. Сотрудничая день за днем, мы придем к тому, что ты начнешь ненавидеть вещи,

которые когда-то любил, и любить то, что когда-то ненавидел. Ты станешь совершенно новым человеком.

— Я в этом не уверен, — заявил Том. — Перспектива прощения кажется мне довольно приятной, но что если я снова захочу пойти своим путем? Разве нельзя устроить так, чтобы я был освобожден от расплаты за свои действия? Разве этого недостаточно? Неужели мне действительно придется перестать быть преступником?

— Прощение хорошо только для тех, кто желает, чтобы я дал им новую жизнь, — ответил адвокат.

Некоторое время Том сидел неподвижно, уставившись в пол, тогда как адвокат терпеливо ожидал его решения. Наконец Том поднял голову:

— Я хочу попросить вас заняться моим делом, — сказал он. — Я признаю, что виновен. И я действительно больше не хочу быть преступником. Я принимаю вашу помощь.

Адвокат поднялся и протянул заключенному руку. Том ответил ему твердым рукопожатием, скрепившим их договор.

— Есть ли еще что-то, что я должен узнать до того, как вы уйдете?

— Одна, последняя вещь, — отвечал адвокат. — Последняя хорошая и плохая новость.

Том улыбнулся.

— Сначала скажите мне плохую и покончим с этим, и будь она даже самой печальной на свете, мне почему-то кажется, что она так же «ужасна», как остальные ваши «плохие новости»!

Адвокат ответил ему улыбкой.

— Так и быть. Плохая новость заключается в том, что мы уже назначили день твоего суда.

— Ну, разве это плохая новость! — воскликнул Том. — Неужто вы думаете, что, имея такого адвоката, я могу захотеть навечно остаться в этой камере и даже

не иметь возможности представить мое дело суду? Суд приближается, и это радостная весть! Ваша «хорошая новость» должна быть по-настоящему хорошей, чтобы превзойти «плохую».

Одно краткое мгновение адвокат пристально смотрел Тому прямо в глаза, а потом мягко сказал:

— Хорошая новость заключается в следующем: когда ты явишься перед лицом суда, я буду не только твоим адвокатом, но также и твоим судьей.

Не судите...

*«Тем же судом, каким судишь
другого, осуждаешь себя, потому
что, судя другого, делаешь то же»
(Рим. 2:1).*

*Мне снилось: Спаситель на Землю пришел,
Открылись небес врата.
И ангел меня величавый повел
Туда, где царит мечта.*

*И здесь — я не верю, Спаситель мой! —
Знакомого я увидал,
Которого в жизни своей земной
Ничтожеством я называл.*

*Хотел я исправить ошибку, но вдруг
Застыл, молчанье храня.
Поскольку так много людей вокруг
Не ждали увидеть меня!*

СЕМЬЯ

Когда я ложился спать

Когда я ложился спать

Х. М. С. Ричардс

*Годы промчались, меня унесли
Так далеко от дома.
Маме уже не баюкать меня
Песенкой той знакомой.
И все же светлее станут мечты
И сон на радость похож.
Когда я представляю, что рядом ты
И песенку тихо поешь.*

*Помню, как с братом склонялся я
В молитве у маминых ног,
И тихо шептала мама моя:
«Всегда молись, мой сынок».
И, встав на колени, просила о нас:
«Спаси их, Небесный Отец!»
Потом целовала обоих. Как раз
И дню приходил конец.*

*Когда же свершится: мой вечер придет,
И кончится жизни день.
И с неба звезда моя упадет,
И солнце закроет тень.
Тогда, мой Господь, сохрани меня,
Грехи прости и забудь,
И тихо, с любовью, как мама моя,
Позволь мне спокойно уснуть.*

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Письма Ною

Письма Нойю

«Верю Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговя, приготовил ковчег для спасения дома своего; ею осудил он [весь] мир, и сделался наследником праведности по вере» (Евр. 11:7).

Мой дорогой Ной!

Порой я чувствую, что должна написать тебе относительно твоих проповедей в последнее время. Мне бы очень хотелось, чтобы ты понял: лично я — на твоей стороне и верю, что ты искренен в своих проповедях. Но есть несколько пунктов, которые, я надеюсь, ты смог бы прояснить. Я совершенно уверена, что ты не имеешь в виду то, что следует из твоих слов.

Во-первых, позволь мне поблагодарить тебя за весть о приближении великого потопа. Ты, разумеется, знаешь, что я верю в это — так же, как и ты. Великий потоп действительно приближается, и мир следует предупредить об этом. Я знаю, что Господь послал

тебе особую весть на этот счет, и ты многократно и чрезвычайно выразительно проповедовал об этом.

Я также беспокоюсь о том, чтобы люди в поисках спасения от потопа обратились к Господу. Мы можем быть спасены от наводнения только благодаря Его заботе о нас и усилиям с Его стороны. Ради нашего спасения мы должны обратиться к Нему все свои помыслы. Мы не имеем собственных заслуг, которые могли бы возвысить нас в Его глазах, и вся наша уверенность должна покоиться на заслугах Господа. Возможно, ты не стал раскрывать эту мысль дальше, тем не менее я твердо знаю, что ты убежден в ее истинности.

И все же я хочу кое-что заметить насчет этого ковчега. Многие справедливо полагают, что ты слишком часто и много говоришь о нем. Боюсь, мне придется с ними согласиться, несмотря на то, что я ни минуту не усомнюсь в твоей честности. Я понимаю, почему ты строишь ковчег и проповедуешь о спасении. Но не чувствуешь ли ты в этом привкуса законничества? Прости меня за резкость, но это, на мой взгляд, чересчур субъективный подход к проблеме потопа. Наше спасение никоим образом не может зависеть от наших действий. Боюсь, что многие люди смотрят на необходимость пребывания в ковчеге как на возможность спастись делами. Мы никогда не должны делать или даже пытаться сделать что-то рукотворное основным условием нашего спасения во время потопа.

Если же по каким-то неведомым мне причинам ты окажешься прав, тогда — попытайся осознать это, Ной, — ты опередил свое время. Разумеется, когда потоп приближается, есть смысл строить ковчег. Но кто слышал, чтобы Господь посылал кому-то откровение за *120 лет* до того, как оно может понадобиться? В конце концов, дождись, чтобы дождь лил достаточно долго, дабы люди смогли объективно оценить ситуацию и ясно рассудить: ожидает ли Бог, чтобы они спа-

сались вплавь, на весельных лодках или же в каком-то ковчеге. И уж *тогда*, если это будет необходимо, ты можешь выступить с идеей своего ковчеге. А до тех пор — не раскачивай лодку!

*С глубоким уважением,
Анна Нерасторопность*

Мой дорогой Ной!

Я давно хотела спросить тебя кое о чем. Сегодня ты уже проповедник с большим стажем и знаешь, как по-настоящему убедить слушателей. Люди съезжаются отовсюду, чтобы послушать твои проповеди.

Но прошло уже 119 лет с тех пор, как ты начал проповедовать. Все эти годы ты говоришь только о потопе. Но это слово ничего не значит для меня. Как ты думаешь, не может ли здесь быть ошибки? В конце концов, если потоп действительно приближается, разве не должна эта новость быть у *каждого* на устах? Разве много времени требуется, чтобы слово распространилось по всей округе?

И почему Бог послал нам лишь тебя и никого больше? С какой стати Богу посылать откровение всему миру через одного-единственного человека? Почему бы Ему не прислать какую-нибудь комиссию?

*С уважением,
Анна Нерасторопность*

Содержание

Предисловие.	3
ЯСНОЕ МЫШЛЕНИЕ	
Богач и миллион долларов	5
Иисус, ваш лучший Друг.	10
ЗНАНИЕ ПРАВДЫ	
Эти Иерихонские стены	14
Как перестать тревожиться	16
Булочник и хлеб	18
ПОСТИГАЯ ЕВАНГЕЛИЕ	
Смерть Вениамина Попытки	21
Скорпион и лягушка	27
Путешествие в Шалом	28
Проблемы с милостью	33
ПОЛНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ	
Состязание Евангелия	39
Фундамент и стены	42
Притча о больном	47
Прощай, Равви!	51
Охотник и медведь	54
Лев и тигр.	55
ОБРАЩЕНИЕ	
Леонард, связанный волк	57
Лоренс и Кристина	63
ОТКАЗЫВАЯСЬ ОТ...	
Грузовик	68
Мой брат, путешествующий автостопом	76
Мой новый «фольксваген».	78
Кусок земли	80
Боксерский поединок	84
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ	
Будь моей женой	88
Будь моим Богом	90
Вы женаты?	92

Возвращаясь домой	94
Жаждающий Эд	97
Пир.	102
Шесть лучших докторов	107
Почему я не играю на гитаре.	108
Тайная молитва	115
РОСТ	
Параолимпийские игры	117
Что тут написано, папа?	120
Кривой саженец	122
СВИДЕТЕЛЬСТВУЯ	
Иорданская консультация	128
Спасение утопающих	130
По дороге в колледж	134
В ЦЕРКВИ	
Самая большая церковь в округе	137
Почему я не хожу в кино	140
Бесплатный «кадиллак»	142
Участники и аутсайдеры	143
Трамвай	144
КРЕЩЕНИЕ	
Слишком рано повзрослел, слишком поздно поумнел..	151
СУББОТА	
Субботный визит.	154
ПОКОРЯЯСЬ АВТОРИТЕТУ	
Ученый фермерский сын	159
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	
Пришествие Иисуса в «Пасифик Юнион колледж»	163
В тот вечер я был слишком занят.	167
СУД	
Как это было и чего не было	172
Хорошие и плохие новости.	177
Не судите...	184
СЕМЬЯ	
Когда я ложился спать	186
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Письма Ною	188

оворят, что все мы невежды — только в разных областях. Возможно, вы — ходячая энциклопедия по компьютерам, но при этом даже не представляете, что находится под капотом автомобиля. А кто-то хорошо разбирается в самолетах, будучи абсолютным нулем в нейрохирургии.

И как здорово, когда кто-то начинает объяснять нам то, в чем мы не разбираемся, на понятных нам примерах. Гениальность притчи как раз и заключается в том, что она связывает неизвестное с известным. Когда Христос хотел донести до Своих слушателей какие-то отвлеченные понятия, такие, как вера, любовь или Царство Божье, Он всегда прибегал к помощи притч.

И сегодня людям нравятся притчи. Моррис Венден заметил этот интерес и стал собирать современные притчи. Со временем получилась довольно большая коллекция, которая и легла в основу этой книги.

